

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 24

1984

Эстер
РАНДРИАМУНДЗИ

УТРО ПРИДЕТ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 24

Эстер РАНДРИАМАМУНДЗИ

УТРО ПРИДЕТ

ПОВЕСТЬ

Перевод с малагасийского Людмилы Карташовой

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1984

Эстер РАНДРИАМАМУНДЗИ

Эстер Рандриамамундзи — известная малагасийская писательница и переводчица. Родилась в 1933 году. Получила филологическое образование в Университете Мадагаскара и в Университете Дижона (Франция). Литературную деятельность начала в 1960 году. Автор повести «Разрушенный дом», рассказов и сказок для детей. Опубликовала ряд переводов с французского («Елка» М. Батая, «Маленький принц» А. Сент-Экзюпери) и русского языков. Издательство «Радуга» выпустило сборник «Из русской поэзии» и несколько книжек для детей, переведенных ею на малагасийский язык. Э. Рандриамамундзи — член Ассоциации революционных писателей и деятелей искусств Мадагаскара и член Международного общества по изучению детских литератур.

— ...Маву, я люблю тебя. Позволь мне любить тебя. Родная моя. Буду любить тебя до последнего вздоха. До последнего своего дыхания.

— И я, Рандриа,— до последнего своего дыхания.

В ту минуту я не могла больше вымолвить ни слова. Ты шептал мне слова любви. Ты так крепко держал меня в объятиях, что перехватывало дыхание. Я улыбалась, а по лицу катились слезы — слезы счастья. А ты утирал их своей щекой... И вдруг наши губы слились. По телу пробежал огонь желания, сладостная дрожь пронзила насквозь...

С тех пор прошло ровно три года!

Ты ушел, оставил меня одну. Как пусто стало вокруг! Как холодно!

Где твоя крепкая рука, на которой так сладко было спать? Где широкая грудь, на которой я так любила лежать в блаженные минуты? А твой нежный, ласковый голос? Счастье — оно казалось таким беспредельным!

Еще и теперь я слышу порой твой голос, твои слова:

«Маву, я люблю тебя!...»

Но как безотрадно, как постыло все — теперь, когда тебя нет. Не хочу никого видеть. Не хочу слышать ничьих утешений. Никто и ничто не может смягчить меня. О, как я их ненавижу! И тех, кто изготавливает оружие,— даже если оно предназначается лишь для охоты. И тех, кто продает его. И кто покупает. Кто осмеливается вскинуть ружье на плечо и спустить курок... Пусть их оружие поразит их самих! Пусть погибнут они — и даже памяти о них чтоб не осталось! Пусть падут на их голову все казни египетские, все громы и молнии!.. О, боже!..

Мне отмщение. Я воздам, дитя мое!

Господи, дай увидеть мне мщение твое над ними, ибо тебе вверила я дело мое! Когда? Когда ты отомстишь им? Дай мне дожить до того дня, чтоб увидеть это своими глазами, как своими глазами я видела последний вздох любимого своего. Последний вздох Рандриа, родного Рандриа! О, боже!

Четыре утра. Вновь сердце сжимает тоска и не дает уснуть. Вчера и позавчера ей как-то удавалось взять себя в руки. А сегодня опять... Они убили Рандриа, ее мужа, убили за то, что он боролся за лучшее будущее своей страны...

С тех пор прошло ровно три года.

А горе не проходило. Годы не смогли иссушить слезы. Днем она еще держалась. Ведь надо было работать: на ее руках дочка Малянту и младшая сестра Вулясуа. А ночью... Слезы душат и не дают заснуть.

«Если бы я была одна, мне нечего было бы терять. Чем так мучиться, я последовала бы за тобой, Рандриа! Хорошо еще, что со мной моя маленькая Малянту. Частичка моего Рандриа! Цветочек мой! Единственная радость моя! Все, что осталось от Рандриа! В ней течет его кровь. Живое воплощение нашей любви, любви, которая не умрет никогда!»

— Мама, ты не спишь?— Повернувшись в кроватке, Малянту увидела свет в комнате Рамаву. Она встала, подошла.

— Нет, иди спать!

— Мамулечка, ты плачешь?

— Нет-нет, родная. Иди ложись.

— Ты тоскуешь о папе?

Рамаву глубоко вздохнула и поцеловала Малянту в лоб.

«Бесконечная скорбь! Куда она заведет меня? Рандриа она не вернет! А Малянту может заразить своей печалью».

Малянту села к матери на кровать. Прижалась к ней, уткнувшись под мышку.

— Мамочка, можно я буду спать с тобой?

— Ну, ладно.— Рамаву обняла ее, прижала к себе и нежно погладила волнистые волосики дочки. «Нет, не одну оставил меня Рандриа. У меня есть Малянту».

Ночь была тихой-тихой. Лишь издалека слышался стук колес по мостовой да скрип телег — крестьяне съезжались на рынок в Андравуанги. Уже сверчки начали подавать друг другу какие-то сигналы. Стало быть, скоро утро.

Усталая от дум, разбитая, на грани отчаяния, Рамаву наконец-то забылась крепким, без сновидений сном.

Несколько малагасийцев возвращались на родину после окончания учебы за границей, и среди них — Рамаву и Рандриа. Тогда-то они и встретились. В аэропорту в Найроби.

Молодые люди, казалось, бросали вызов жизни, тем трудностям, о которых их предупреждали старшие товарищи, вступали в жизнь с улыбкой победителей. Все весело болтали, курили, пили холодное пиво.

Рандрия резко выделялся из этой группы. И не только точеными чертами лица и стройной фигурой. Он единственный из всех был не в джинсах и не носил длинных волос. Изнемогая от духоты и жажды, он подсел к товарищам пить пиво. При этом попросил у единственной среди них девушки разрешения снять пиджак.

— Извините... Простите, как вас зовут? А то как-то странно говорить «мадемуазель»... теперь, когда мы почти дома.

— Маву, — ответила девушка просто, и легкая улыбка скользнула по ее губам.

— А вам... вам разве не жарко?

Он не осмелился все-таки назвать ее по имени. Глаза их на мгновение встретились. Оба смутились. Он попытался улыбнуться, чтобы скрыть неловкость. Наступило молчание...

— Может быть, выпьете еще чего-нибудь? — спросил Рандрия.

— Да нет, спасибо... — ответила Рамаву не совсем твердо.

— Да вы не стесняйтесь, ведь мы здесь все свои, все малагасийцы. Может быть, апельсиновый сок?

— Ну, хорошо.

— А нас ты, конечно, не угощаешь, — поддел его Рабари.

— К сожалению, у меня только две руки! — парировал Рандрия.

Когда Рандрия вернулся с бутылками и стаканами, времени почти уже не оставалось — объявили посадку на самолет. Все поспешно допивали выдохшееся пиво.

— У вас так много вещей, — сказал Рандрия, шагая рядом с Рамаву. — Наверно, больше тридцати килограммов.

— Отнюдь, даже меньше двадцати.

— Просто много пакетов?

— Да, много хрупких мелочей, и я решила взять их с собой в кабину.

— Надеюсь, ничего не разбилось?

— Думаю, нет. Все хорошо упаковано.

— Извините, кажется, я слишком много говорю.

— Ну что вы! Наоборот, это я злоупотребляю вашей добротой. Без вас мне бы не унести все это.

Рамаву легко устанавливала контакт с молодыми людьми, если они вели себя в рамках приличия. Ей даже нравились такие знакомства, бесхитростные разговоры. А кроме того, она как-то интуитивно поняла, что Рандрия не из тех донжуанов, которые «кадрят» девушек. Однако не торопилась и делать выводов: как судить о человеке, с которым знакома всего каких-то полчаса?

Жара стояла невыносимая, нечем было дышать. Одежда прилипла к телу. Каблуки проваливались в раскаленный асфальт. Маву и Рандрия шли быстро — скорей бы в самолет, к освежающим кондиционерам.

— Вы где сидите? — спросил Рандриа, когда вошли в самолет.
— Вон там, в конце.
— Ну, пока.

Пассажиры рассаживались. Маву села на свое место. Не дожидаясь, когда загорится табло, привязала ремень и достала книгу, которую взяла с собой, чтобы скоротать время в дороге.

Рандриа сидел в передних рядах. Расположившись поудобнее, он надел темные очки и закрыл глаза... Он не спал, а погрузился в мечты.

«Маву, Мавочка, дорогая Маву, госпожа Рамаву, супруги Рамаву и Рандриа... О, боже, что это со мной? Похоже, я схожу с ума. Случайная знакомая — и уже весь размяк. А может, это и есть любовь с первого взгляда?»

Рандриа снял очки — хотел вернуться к действительности. Мимо все еще проходили люди, искали свои места, переговаривались, запикивали вещи на верхнюю полку... Он снова закрыл глаза. И вновь образ девушки заполнил все его мысли.

Небольшого роста. Светлый цвет кожи. Прямые, невьющиеся волосы: две косы, уложенные шиньоном на затылке — традиционная малагасийская прическа. Через правое плечо перекинута ламба¹. Когда улыбается, видны белые красивые зубы. Улыбается просто и естественно. Так же просто и естественно говорит, немногословно, зато каждое слово западает в душу.

«Может, так и начинается любовь?»

Она кажется смелой, но из тех, с кем нельзя вести себя легкомысленно. У нее наверняка есть свои взгляды, и она умеет их отстаивать. Не капризная, и такое впечатление, что хорошо разбирается в людях. Наверное, нелегкая в общении...»

Загудел мотор.

— Пристегните ремни, — сказала стюардесса. — Поднимите спинки кресел.

«Как смешно все получилось...» — продолжал думать Рандриа, не слыша призывов стюардессы. Но тут его толкнула в бок соседка — стюардесса протягивала ему апельсиновый сок.

Рандриа улыбнулся про себя: о чем бы он ни думал, как-то так получалось, что все было связано с Маву.

«Да, наверное, это и есть любовь»...

Долго летели над океаном. Наконец показалась земля. Мадагаскар! Все прильнули к иллюминаторам. И вот объявили, что самолет идет на посадку. Легкий толчок — и он уже бежит по красному полю Аривуниаму². Все вскочили.

¹ Лямба — национальная малагасийская одежда (вид шарфа).

² Название аэропорта.

— Граждане пассажиры, просьба оставаться на своих местах до полной остановки двигателей!

Напрасно стюардесса зовет снова и снова. Никто не слышит ее. За десять часов полета люди устали и думают лишь о том, как сейчас обнимут своих близких.

Наконец подали трап, и все бросились в объятия родственников и друзей. Рукопожатия, поцелуи... Кто-то смеется, кто-то плачет от радости. Повсюду слышится лишь одно: «С приездом! С возвращением!»

Рандриа пытался найти Маву, но в такой толпе это оказалось невозможным. Лишь получая багаж, он увидел издали, как в окружении родных она выходила из здания аэропорта.

«До свидания,— вздохнул он.— Увидимся ли когда-нибудь снова? Или судьба лишь подразнила меня?»

Сделав официальные визиты в столице, Маву в тот же вечер отправились в Мурамангу. Родственники арендовали таксибрус¹. Дорога неблизкая. Ехали всю ночь. Сколько разговоров! Сколько песен! Пели и вечные народные «Танцуй, пустельга!», «Светел восток у нас». Пели красиво, на четыре голоса. И современные — быстрые, ритмичные, отбивая такт ладонями по деревянным сиденьям. Но больше — протяжные, лирические: было полнолуние, и это навевало минорное настроение.

Маву очень взволновала дорога. Она знала этот путь как свои пять пальцев. Вот переехали мост через Мангару, а теперь спускаются по долине Мандрака. А вот и местечко Андзиру. Маву наизусть помнила все изгибы и повороты дороги. И хотя было темно, подмечала все. Вон дерево у обочины — оно было здесь всегда, сколько она себя помнит. Ой, амбуруны уже нет! — видно, снесло потоком. А амунтана, которая казалась вечной, засохла!

Вот и Мураманга. Торговцы-китайцы открыли двери своих лавчонок, заслышав по радостным хлопкам о прибытии гостей. «С приездом!» — слышались приветствия со всех сторон.

В Мураманге семья Маву пользовалась уважением и почетом. Трехлетний мальчуган, протирая заспанные глазенки, расталкивал взрослых:

— Пустите! Дайте мне пройти, я тоже хочу посмотреть на тетю.

— Это вам подарок, тетя Маву. — Сестренка мальчика протянула ей рисунок — раскрашенный цветок. Большой палец она держала во рту. Все засмеялись. Но это не смутило малышей. Они забрались на

¹ Таксибрус — автобус-такси, совершающий загородные рейсы.

колени к Маву, и она прижала их к груди. Щелкнул фотоаппарат, запечатлев эту радостную минуту встречи.

Хорошо вернуться к себе домой! Ой, как хорошо!

Первую неделю по приезде в Фьянранцуа Рандриа отдыхал. Привыкал к жизни в семье: за границей, как и большинство студентов, он жил по-холостяцки. Надо было навестить родственников, встретиться с друзьями. Всем хотелось знать, как живут люди там, за границей, какие у них привычки и обычаи. И он рассказывал, рассказывал... Пожилые приходили в ужас, узнав, что одиноких стариков отправляют в дома для престарелых, подобно тому, как детей отдают в интернаты. Кварты тесные, а молодые, видите ли, не могут жить в одной комнате с отцом или матерью. А вообще все работают. Встречается семья только вечером. Отец редко видит детей: уходит на работу, когда они еще спят, приходит — они уже спят.

Большую часть времени у Рандриа уходило на поиски работы. Фирмы здесь, на родине, были очень мелкие по сравнению с Францией. Однако Рандриа не допускал и мысли устроиться во французскую частную фирму — это противоречило бы его принципам. Ведь национализировать иностранные компании и поставить во главе них малагасийцев и было главной целью его деятельности. И вместе с тем он понимал, что время для этого еще не пришло, хотя идея уже зрела в умах многих.

В записной книжке у него появились десятки новых имен и фамилий: семья и друзья старались познакомить его то с одним, то с другим из высокопоставленных и влиятельных чиновников. Но, кроме диплома и знаний, оказывается, нужно было еще найти «подход»: либо иметь «руку», либо дать взятку. Без этого понапрасну будешь обивать пороги.

— Прекрасно, — сказал один из крупных деятелей, посмотрев диплом Рандриа. — Если бы все малагасийцы были как вы: образованные, знающие, умеющие смотреть вперед и в то же время готовые отдать свои силы на благо родины, а не заботиться только о том, как бы набить потуже карман. Наша страна быстро бы поднялась. Дайте мне ваши координаты, мы с вами свяжемся через некоторое время. Не так уж много сейчас таких, как вы...

Рандриа ждал. Ждал неделю, две, ждал месяц, полгода... Но эта беседа так и не имела продолжения.

— Вступайте в партию, — говорили ему. — Как только у вас будет книжечка — сразу получите все. Это вовсе не значит, что вы должны разделять их политические взгляды. Это лишь проформа, друг мой...

— Не вступайте в их партию. Они только грызутся между собой и ничего не делают,— говорят одни о своих политических противниках.— Это же партия капиталистов, пособников колонизаторов.

— Вы хотите вступить в их партию? Да они занимаются одной лишь демагогией,— говорят другие о них.

«Куда ни кинь — всюду клин»,— совершенно растерялся Рандриа.

Вот уже несколько месяцев, как он вернулся, но все еще не мог найти работу. Жил на содержании у своего младшего брата Ралая. Брат имел кое-какие доходы, но семья была большая и совместная жизнь становилась все труднее как для него, так и для них.

Ралай, представляется, достиг уже потолка в своих делах. Не так давно у него были большие финансовые затруднения. Цены на импортные товары резко поднялись. Мелкие торговцы почти все разорились: крупные фирмы припрятали товары, чтобы через некоторое время повысить цены. До нового урожая предстояло тяжелое время.

— Мы должны изменить тактику,— сказал Рандриа.— Иначе нас поглотит иностранный капитал. Наши деньги и богатства уплывут за океан. Если так будет продолжаться, скоро нечего будет есть. Тяжелое будет лето. Крестьяне-производители пострадают в первую очередь. Эксплуататоры воспользуются, чтобы организовать саботаж. Создадут дефицит. Исчезнут ткани — не во что будет одеваться. Потом появятся трудности с мясом, даже перебои с водой... И все — чтобы можно было сказать: вот видите, было бы лучше, если бы мы остались колонией. Те, кто продается за доллары, будут кричать: «Мадагаскар попал из огня да в полымя! Придут коммунисты, и тогда малагасийцам конец».

— Страшно подумать, что будет со страной, если все произойдет так, как ты говоришь,— вздохнул Ралай.— Теперь судьба страны зависит от таких, как ты, грамотных, передовых. Так что действуй, Рандриа. А нам — была бы хоть мало-мальская прибыль, мы и довольны. Лишь бы заплатить налоги, накормить детей да иметь небольшую сумму для оборота — вот и весь идеал. Мы не мечтаем о большем. Помнишь, я писал тебе — ты жил тогда еще за границей,— бывали времена, когда в доме не было ни крошки. Жену положили в больницу, а дети — все пятеро — заболели. Не дом, а лазарет. Вот уж действительно когда было по-настоящему тяжело. Пришлось продать половину земельного участка, чтоб заплатить за квартиру да кормить детей. А на лекарства сколько пошло!

И Рандриа наконец принял решение — он будет скупать у крестьян урожай. Это даст возможность кое-что зарабатывать себе на жизнь и немножко помочь брату.

В течение года Рандриа исколесил пол-острова от Анцирабе до Мураманги и Туамасины. Главным его правилом было: не терять времени попусту. Ни в коем случае не допускать, чтоб машина возвращалась порожняком. Но постоянно возникали какие-то непредвиденные препятствия: то размыло дороги, то машина не могла пройти по узкой тропке к дальним деревням. Приходилось добираться пешком, а товар перевозить на телегах или на плечах перетаскивать мешки с зерном. Часто он возвращался домой лишь через несколько дней, а то и больше недели был в разъездах. Иногда приходилось ехать всю ночь, спать в дороге, перекусывать на ходу, ложиться спать на голодный желудок. Дело оказалось непростое, трудностей было гораздо больше, чем он ожидал.

Рамаву быстро акклиматизировалась: в родном городе все было просто и знакомо. Вскоре она уже побывала у всех своих старых друзей и подруг. А число новых умножалось день ото дня. Ее уговаривали остаться работать в Мураманге.

Недолго думая, Рамаву собрала необходимые документы. Сам шеф, как звали между собой главного врача больницы, написал ходатайство на ее заявлении. Представитель городской фукунулуны отвез бумаги в Антананариву. Никто не сомневался, что просьба будет удовлетворена. Но поскольку хождение по инстанциям требовало времени, «Маленькая докторша», как прозвал ее шеф, приступила к работе. Рамаву не обижалась на прозвище: она прекрасно понимала, что доктор любит ее и относится как к дочери. Рамаву повезло: она работала под руководством шефа. Его все уважали. Не было ни одного человека, кому бы он не помог так или иначе: у тех излечил телесные недуги, иным облегчил душевные раны. Рамаву работала легко, с охотой. Живая, энергичная, с улыбкой на устах. У нее всегда найдется ласковое слово для одних, слова утешения — для других. С одними посидит, поговорит, пошутит, другим сделает модную прическу. Кому-то принесет лишнюю подушку, кому-то даст почитать газету или полистать журнал мод.

Нельзя сказать, что работа была легкой. Хотя больница в Мураманге считалась одной из крупных и хорошо оборудованных по малагасийским масштабам, она, конечно, не могла идти ни в какое сравнение с тем, что видела Рамаву в Европе. Жители города и немногочисленный персонал больницы вначале пытались что-то сделать. Постепенно, однако, от бесплодных усилий теряли надежду чего-то добиться и, главное, потеряли энтузиазм, столь необходимый для претворения в жизнь любого начинания. Ведь в стране так многого не доставало. Не хватало квалифицированных кадров. Число больных

и рожениц постоянно росло, а родильных домов и врачей — раз-два и обчелся. Недовольны были и больные и те, кто лечил. Нередко больные жаловались, что врачи недостаточно внимательны, зачастую устали и хмурые, а некоторые вообще не имеют необходимой квалификации и даже особого желания работать.

— Мы должны использовать все средства, — говорила Рамаву своим коллегам. — Прописать лекарство больному — этого мало. Приветливого лица врача, ласкового слова порой уже достаточно, чтобы больной стал лучше себя чувствовать. Мы привыкли, чтобы нам подавали готовенькое, хотя нам давали всего лишь крохи из тех богатств, что мы имели. И теперь мы по-прежнему чего-то ждем, сидим сложа руки, не пытаемся что-нибудь сделать сами. Даже метлу, чтоб подмести двор, которую можно было бы связать из веток — у нас их полно во дворе, — мы ждем, когда нам пришлют из столицы. Чего же удивляться, что колонизаторы смотрят на нас как на малых детей и радуются, глядя на наши неудачи. Где наше трудолюбие? Где чувство ответственности? Об этом пока еще приходится только мечтать.

Но трудности лишь подхлестывали Рамаву, заставляли ее работать без усталости, не щадя себя. Всего за несколько месяцев больные почувствовали, как изменилось лицо больницы с приходом «докторши».

— Захочешь еще раз родить, если все акушерки будут такими.

— Если б моя дочь была такой, когда вырастет!

— Если у меня родится девочка, я назову ее Маву.

— Не торопитесь, девушки, мой старший сын уже ухаживает за ней.

И роженицы покатывались со смеху от этих милых безобидных шуток.

Жители Мураманги уже привыкли, что у них постоянно идет дождь или моросит. В любой сезон года надо брать с собой плащ или зонтик — на всякий случай. Но многие ли носят плащи, много ли вы видите людей, идущих под зонтиком? Если уж очень сильно польет, можно укрыться под балконом у китайца. Сколько самых неожиданных встреч там бывало! Но вот дождь стихает, и все спокойно продолжают путь...

— Выручайте, Рамаву! Помогите, пожалуйста! Опрокинулся грузовик, и тяжело ранило шофера. А он не дает делать укол. Боюсь, может быть шок. Ужас! Скорее, пожалуйста!

Роженицы так и грохнули:

— Наконец-то и мужчине понадобилась акушерка!

— А на кого я оставляю своих больных?

— Не уходите, доктор! У меня же сейчас начнутся роды. Я больше

не могу. Ой, мама родная, умираю! — стонала женщина, у которой уже начались схватки.

— У тебя еще как минимум целый час в запасе! Потерпи! Надо же спасать этого непутевого шофера!

И Рамаву с сестрой пустились бегом по каменной лестнице — катастрофа произошла в верхней части города.

Такое в больнице бывало постоянно. Все вечно спешили, и врачи и больные. Как только что-то случалось, все бросались в больницу. Но, попав туда, почему-то торопились поскорее выйти оттуда.

Медсестра и Рамаву нашли шофера на обочине дороги. Он был весь в крови. Глаза испуганно бегали — то ли у него начинался бред, то ли он боялся врачей и шприца. Рамаву твердым голосом велела ему дать руку. Он отвернулся, что-то ворча, но руку протянул.

— А теперь повернитесь-ка — надо сделать еще один укол. Спустите брюки, — приказала сестра.

— Делайте в руку, а если нельзя, то и не надо, — огрызнулся шофер.

— Закрой глаза, Райву, — сказала Рамаву сестре. — Он ведь не укола боится, — боится, как бы ты его не сгладила.

— Ах ты... — Шофер чуть было не выругался.

— Не слишком ли много вы себе позволяете, мсье? — сухо бросила Рамаву. Шофер не ответил, застегнул ремень и собрался уходить.

— Взрослый мужчина, а ведет себя, как мальчишка.

— У вас ничего страшного, — сказала сестра. — Рана неглубокая, только крови много потеряли. Нужно отлежаться несколько дней, и пока не будут готовы все анализы, вам нельзя уезжать из Мураманги.

Рамаву так торопилась вернуться в больницу, что, спускаясь по лестнице, перепрыгивала через три ступеньки. Вдруг нога подвернулась, и девушка чуть было не упала. Какой-то молодой человек поддержал ее под руку.

— Осторожнее, мадам!.. О, кого я вижу! Маву?..

— Рандриа?..

У Рандриа замерло сердце. Боже, он как сейчас помнил ту случайную встречу в аэропорту в Найроби! Их знакомство. Простой, короткий разговор. Как он рад, что встретил ее вновь! От волнения Рандриа не знал, что сказать. Лишь по-прежнему держал ее за локоть — так хотелось ему продлить это мгновение.

Рамаву улыбнулась, но руку не отняла.

— Рандриа? Какими судьбами?

— У меня заболел шофер, и мы застряли.

— Ах, так это ваш шофер боится укола? — Рамаву насмешливо улыбнулась. — Ну, пока. Я тороплюсь к своим больным.

— До свидания...

Рандриа так много хотелось сказать этой девушке, так хотелось продлить минуту встречи! Но он лишь растерянно смотрел, как она быстро сбежала вниз по ступенькам и ушла, не оглядываясь. Больше всего ему хотелось броситься вслед за ней, разыскать ее. Но как смешно это будет выглядеть: молодой человек бродит по коридорам роддома, заглядывая в палаты. Да и надо было идти к раненому Ракуту.

Несчастье случилось так. Ракуту хотел разъехаться со встречным грузовиком и взял вправо. Недавно прошли дожди, и дорога превратилась в жидкое месиво. Колеса соскользнули, и машина опрокинулась в кювет. Рандриа не пострадал — он как раз перед тем вылез из кабины, чтобы показывать дорогу.

Они вынуждены были остаться в Мураманге на три дня. Ракуту делал анализы и рентген. Рандриа занимался машиной. Грузовик остался цел, но много риса рассыпалось и погибло под слоем грязи.

Антананариву. Нескончаемый поток людей в течение всего года. Неустанная гонка в течение всего дня. Остается лишь ночь, чтобы отдохнуть. Но многие ли могут спать спокойно? Дела и заботы не дают покоя даже ночью — люди ворочаются в постели, пытаются найти выход из своих трудностей.

Рандриа тоже не спал. Вернувшись в Антананариву, он уже вторую ночь не мог сомкнуть глаз. Во-первых, хоть машина и вышла из строя всего на три дня, убытки оказались колоссальными. Не меньше месяца придется работать сверхурочно, чтобы покрыть брешь в бюджете — и это если еще ничего не случится. Сотни раз проверял он подсчеты, и каждый раз дебет не сходился с кредитом. Стал листать справочник, но не смог сосредоточиться. В глазах рябило, он не понимал, что читает, не мог вспомнить, что прочел тремя абзацами выше. Не давала покоя мысль: почему он так расстался с Рамаву, почему не попытался встретиться, поговорить?

Он начал сетовать на судьбу. Вот ведь все его товарищи, его однокашники, уже имеют работу, солидное положение, обосновались, женились, обзавелись домом и живут себе... А он?..

Хорошо еще, что нашел, где она живет. Надо поехать туда в ближайшее же время и прямо пойти к ней в больницу.

Рандриа решил, что какой-нибудь детективчик отвлечет его, и взял первый попавшийся. «Черная река». Что это? Начал читать, но читво лишь еще больше испортило ему настроение, и он бросил книжку в мусорную корзину. В конце концов он просто вытянулся на кровати, и всю ночь напролет светился в темноте огонек его сигареты. Дым

стоял столбом. Начав задыхаться, кашлять, Рандриа вскочил и распахнул окно. Было около четырех. Он не выдержал.

«Я пишу вам...» — начал он. Подумал, разорвал и снова стал писать.

«...Вы поймете, почему я пишу. С тех самых пор, как мы познакомились год тому назад, я мечтал увидеть вас вновь. И вот судьба опять свела нас. Скажу без обиняков: я хотел бы встретиться, рассказать вам о своей любви...

Буду в Мураманге в один из ближайших понедельников. Если сможете, ждите меня в больнице.

Любящий вас Рандриа».

Утром он отнес письмо на центральную почту.

Рамаву и Рандриа встречались уже несколько месяцев. Теперь Рандриа приезжал за урожаем в основном в район Мураманги. По субботам его редко можно было застать в Антананариву. Если он освобождался в пятницу не совсем поздно, то предпочитал отправиться в Мурамангу в тот же вечер. Дорога на Мурамангу, на которую так недавно еще горько жаловались, была заново отремонтирована, и машина шла легко и быстро.

А Рамаву по пятницам сразу после работы спешила домой и ждала. Нетерпеливо подбегала к окну, едва слышит гул грузовика. В каждой машине ей мерещился Рандриа.

Обычно в субботу после обеда или в воскресенье из окон дома Рамаву слышались звуки музыки. Иногда мелодии Фреddie Ранарисона. Иной раз Нанахари со своим хором исполняет «Ты будешь моей опорой» или «Ты мне нравишься», а Эри Радимбазафи великолепно поет «Богиню любви». А временами прекрасная музыка Баха, Шопена, Генделя, Чайковского.

Порой они отправлялись куда-нибудь. То в Амбутуллона — там всегда свежие продукты, то в Андзиру, где можно купить чучела бабочек — какие-то особенные, с длинными хвостами. Они объездили все места на побережье вплоть до Амбилю. Часто бывали на источниках в Анцирабе.

С тех пор, как они обручились, Мураманга казалась им совсем другим городом. Они открывали здесь все новые красоты, находили все новые места для прогулок. Этот край лесов в восточной части Мадагаскара, казалось, был уголком рая, специально созданным для влюбленных. «Природа изменила цвета или мои глаза изменились?» — спрашивала себя Рамаву. Водопады превращались в их глазах в россыпи драгоценных камней, птицы, казалось, пели

знакомые мелодии, а цветы переливались, будто радуга. Люди вокруг любовались красотой этой любви. Каждый словно бы хотел защитить эту любовь, оградить ее от недоброжелательства... Даже мать Рамавы, Разай, не встававшая с постели вот уже несколько месяцев, начала улыбаться окружающему, глядя как расцвела ее дочь. Разай чувствовала, что они не решаются заговорить о свадьбе.

— Не обращайтесь на меня, дети,— сказала она.— Я не хочу быть вам помехой. Пока я еще могу вставать. И даже чувствую, как прибавляется у меня сил, когда гляжу на вас. И я надеюсь, что смогу присутствовать на вашей свадьбе. В этот день я забуду о своей хворобе. Единственное мое желание — когда пробьет мой час, положите на мое тело ветку орхидеи, если, конечно, они будут в то время цвести, как сейчас.

— Смотри, Рамаву, сколько белых орхидей,— как раз на свадьбу,— сказала тетушка Равау.— Не упускай случая.

— Действительно, дорогая,— подхватил Рандриа.— Надо отпраздновать свадьбу, пока еще цветут мамины орхидеи. А то где потом я достану такие?

Все засмеялись, и Разай тоже. Но от смеха у нее начались колики. — Господи! Не могу больше! Прекрати мои страдания!

Все притихли, мучаясь, что ничем не могут ей помочь.

После укола боль утихла, и Разай заснула. Все разбрелись по своим делам. Рамаву с Рандриа вышли на балкон.

— Какая беспощадная болезнь! Мама, кажется, долго не протянет.

— Маву, дорогая, не изводи себя. Я понимаю, как это тяжело. Мне тоже тяжело, ведь твое горе — мое горе. Но прошу тебя: не надо падать духом, опускать руки, ведь этим не pomoжешь.

Рамаву положила ему голову на грудь. На глазах блестели слезы. Он нежно поцеловал ее. Над головой Рамаву склонилась ветка орхидеи — нежно-фиолетовая, такая изящная, будто сделанная из фарфора. Рандриа протянул руку...

— Не надо, не порти орхидеи! — Рамаву вздрогнула, вспомнив слова мамы.

— А я и не порчу. Наоборот, они будут выглядеть еще прекраснее на голове моей любимой! — И Рандриа приколот к ее волосам орхидею.

— Орхидея благоухает, и любовь расцветает. — Он поцеловал Рамаву в лоб.

— Ты уже заговорил стихами!

— А что? Если стихи сами льются из сердца, от избытка чувств... Маву, я люблю тебя!

— Рандриа, любимый! Нет таких слов, чтоб передать, как я люблю тебя!

— Нет слов! А к чему слова? Настоящая любовь не нуждается в них... Никакими словами не выразить те чувства, что переполняют нас... Не знаю, можно ли вообще любить сильнее...

«Ты поцеловал меня, как никогда раньше... Ты так крепко держал меня в объятиях, что перехватывало дыхание! И я забыла обо всем на свете...»

— Маву!

— Рандриа!..

Не все нависшие над миром черные тучи проливаются в одном месте. Иногда их закрутит ветер, отнесет в сторону и, глядишь, дождь прольется где-то за деревней. Как и всегда, все перемешано в жизни: хорошее и плохое, мед и алоэ. Любовь Рамаву и Рандриа расцвела пышным цветом, как яркое солнце весной, которое несет новую жизнь природе после долгой зимы. А у ворот стояла смерть, и вот-вот войдет в дом. Любовь Рамаву и Рандриа подвергалась испытанию, но они готовы были выдержать все.

Здоровье Разай ухудшалось день ото дня, но бывали моменты, когда ей становилось чуть легче. И обе семьи начали переговоры, как отпраздновать свадьбу Рамаву и Рандриа. Решили сделать все очень просто, без особой торжественности, пригласить только родственников и самых близких друзей.

— Я попыталась встать, дети, но чувствую, что не смогу сделать и трех шагов. Достаньте мне платье, в котором я венчалась. Я надену его, когда буду молиться за вас в час вашей свадьбы...

Жених и невеста должны были выехать в Антананариву рано утром, чтобы успеть вернуться в тот же день и отпраздновать торжество вместе с мамой. Подруга Рамавы, Райву, с которой они вместе работали, вызвалась посидеть это время с больной.

Как переживала госпожа Разай, что в такие дни она прикована к постели!

— Благославляю вас, дети! Пусть во всем вам сопутствует удача! Любите друг друга! Будьте счастливы! И не забывайте завета предков¹. Да благословит вас господь!

— Мама! — Рамаву не могла говорить — у нее перехватило в горле. — Мама, мы скоро вернемся и будем вместе с тобой, — едва вымолвила она сквозь слезы. Она вытащила из своего свадебного букета несколько орхидей и протянула матери. Они обнялись.

¹ По малагасийскому обычаю новобрачным желают иметь четырнадцать детей: семь мальчиков и семь девочек.

«Торопятся уехать те, кто уж собрался в путь.
Родные, плача и грустя, хотели б их вернуть»,—

вспомнила Разай слова Ни Авана.

Мелодичными звуками органа, исполнявшего «Сон в летнюю ночь» Мендельсона, закончилась молитва новобрачных. Друзья и родные поздравляли и благословляли молодых. У обоих на глазах блестели слезы, когда они обменивались кольцами. Им казалось, что небо и земля слились воедино, и они стоят на перекрестке земли и рая, а ангелы славят соединение их душ.

Молодые выскочили из машины, торопясь поскорее обнять маму, но, увидев Райву, которая не могла выдавить из себя улыбки, сразу все поняли.

«Мама, ты не могла дождаться. Слишком долго ты страдала. Спи спокойно, родная!»

В доме все ходили на цыпочках, тихо плакали. Кто-то пытался утешить: ну что можно сделать перед лицом судьбы? Люди в состоянии лишь чуть-чуть облегчить физические страдания, да и то их возможности ограничены. Но нет власти, нет силы, которая могла бы замедлить или ускорить хоть на долю секунды отпущенный нам срок.

Как и просила мама, семья не стала облачаться в траур. Все близкие сочувствовали горю Рамаву и Рандриа и потому старались сделать все возможное, чтобы не омрачить их медовый месяц еще больше.

Смерть Разай в какой-то степени возродила жизнь семейного клана. Встретившись на похоронах, многие родственники, годами не встречавшиеся, возобновили тесное общение, а дотоле незнакомые друг с другом — стали родниться. Свадьба и особенно похороны мамы очень сблизили Рамаву и Рандриа с супругами Рабари. Рабари был врач, а его жена Саундра преподавала в одном из столичных лицеев. Семья стала неразлучны.

Кроме случая, который свел их в жизни и сделал друзьями, они были единомышленниками по духу. У них были общие интересы, одни идеалы. Многие из тех, с кем они учились за границей, даже самые активные, вернувшись на родину и устроившись на тепленькое местечко, закрыли глаза на положение вещей, оказались глухи к нуждам народа, к нуждам страны. Рабари и Рандриа принадлежали к тем, кто попытался направить историю страны по новому пути, избранному народом,— добиться самостоятельности не только на словах, но и на деле.

Дождь лил всю ночь. Его монотонный стук по крыше усыплял даже самых растревоженных. Дождь прекратился, лишь когда на востоке взошло его величество Солнце, пробудившее все живое в природе. Исчезла, провалилась куда-то в тартарары темнота, а с ней и все страхи, сомнения, тревоги... Наступило утро!

— Рандриа!

— ...

— Рандриа, вставай!

— У-у, — недовольно простонал Рандриа, с трудом открывая глаза.

— Вот соня! Я ухажу. Какая-то женщина родила по дороге в больницу.

— Неужели они не могут рожать в рабочее время? Третий день подряд будят ни свет ни заря!

— Если я сейчас не пойду, они явятся сюда!

— Уа! Уа! Уа! — Рандриа изображал плач новорожденного, натягивая на голову одеяло. — Ну, иди, а то и впрямь отряд желторотых пожалует сюда!

— Пока!

— Передай им привет, — донесся голос Рандриа из-под одеяла.

Шестеро мужчин, закутавшись в лямбы, сидели на земле вдоль стены веранды. Усталые, невыспавшиеся. Они шли, оказывается, целые сутки. Рядом стояла филиандзана¹, сделанная из эвкалипта, покрытая одеялами и лямбами.

Мужчины встали при приближении Рамаву. Поздоровались.

— Кто отец?

— Я, — гордо ответил самый молодой.

— Первенец?

— Ага.

— Поздравляю! Девочка?

— Ну да, скажете тоже... Кормилец! — Его бледное лицо преобразилось, озарилось самодовольной улыбкой. Друзья его прыскали со смеху, хлопали по плечу этого новоиспеченного отца, которого так и распирало от гордости.

— Я ее сейчас посмотрю. — Рамаву покинула мужчин.

— Оба спали, когда их принесли, и мать и ребенок. Большая потеря крови. Как трудно переносить больных в этих филиандзанах! Очень уж они не приспособлены для этого, особенно для только что родившей женщины. Но когда надо спасать жизнь, не приходится выбирать. Слава богу еще, что вообще стали привозить в роддом мать и ребенка, хотя бы и после родов, — рассказывала медсестра.

¹ Филиандзана — паланкин, носилки.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Рамаву, похлопывая роженицу, чтобы та проснулась. Но женщина спала крепким сном. Тогда подошла к кровати ее мать и позвала по имени:

— Просыпайся, пришла докторша — будет смотреть тебя! Женщина наконец открыла глаза.

— Как вы себя чувствуете? — улыбнулась ей Рамаву.

— Хорошо. Спасибо. Устала очень.

— Ох, какой он у вас хорошенький!

Мать довольно улыбнулась и снова закрыла глаза.

— Все сделали как полагается? — спросила Рамаву у медсестры.

— Конечно.

— Когда родила? — обратилась Рамаву к матери роженицы.

— В четверг утром. Схватки начались в поле.

— Правила гигиены соблюдали?

— Все сделали — по своему разумению, конечно. А теперь вот привезли вам — вдруг что не так.

— Мы сейчас ею займемся. Ничего страшного теперь нет, раз она в наших руках.

Видно было тем не менее, что Рамаву чем-то все-таки обеспокоена. Она знала по опыту, что обычно начинались потом всякие осложнения, когда вот так роженица не получала сразу же после родов надлежащего ухода: или женщина оставалась бесплодной, или всю жизнь потом мучилась от хронических болезней, или ребенок умирал. Детская смертность в результате различных травм при родах была еще очень велика. Люди до сих пор не понимали необходимости обращаться к врачу, да и редко в какой деревне был не только врач, но даже акушерка, имеющая мало-мальское медицинское образование.

— Акушерка — это как будильник, — шутил Рандриа, — звенит в любое время дня и ночи.

— Мужчины, которые любят долго спать, пусть не женятся на акушерках! — парировала Рамаву.

— Надеюсь, хоть сегодня тебе удастся поспать. Многие, по-моему, уже родили досрочно. Как это можно, чтоб рожали каждый день! Совсем жизни нет!

— Не ворчи. Такое событие ведь никогда нельзя предугадать, а тем более рассчитать или планировать.

— Ну, ладно, давай кончай свою стирку, да ложись, а то, не дай бог, опять вызовут.

— Пожалуй, — сказала Рамаву, — что-то я устала сегодня. Много было родов, да и с детьми сейчас много хлопот: в городе оспа, и надо принимать все меры предосторожности.

— Ну, гаси же наконец свет, — проворчал Рандриа полусонно, уже не слыша того, что говорила Рамаву.

Рамаву тоже вскоре задремала и перенеслась в мир сновидений, где все переплеталось — реальное и нереальное, настоящее и фантастическое, прошлое и будущее.

— Рандриа!

— ...

— Рандриа, проснись!

— У-у... — недовольно пробормотал Рандриа все еще в полусне. — Опять кто-то родил?

— Ну, Рандриа! Мне приснился угорь!

— Да неужели? — насмешливо спросил Рандриа и перевернулся на другой бок.

— Говорю же тебе: мне приснился угорь! И она счастливо засмеялась.

— Маву! Ну, спи ты, ради бога. Я устал. Мне нужно отдохнуть как следует.

— Рандриа, я видела во сне угря! Как мы его назовем?

— Кого назовем? Угря? Маву, ну дай мне наконец поспать.

— Господи, ну и бестолковый! Говорю тебе: у нас будет ребенок!

— Нет, правда?! — Рандриа так и подскочил на кровати.

Забавно было смотреть на него: волосы всклокоченные, глаза заspanные. Рандриа трет их, чтобы окончательно проснуться. Он постепенно осознает, что сказала ему Рамаву, и на губах расплывается блаженная улыбка. На глазах — слезы. Он крепко прижал к себе Рамаву. Он не знал, что полагается говорить в таких случаях.

— Как мы его назовем? — наконец с трудом выдавил он из себя.

— Хм, надеюсь, ты не про угря? — съязвила Рамаву. — Мы придумаем ему самое прекрасное имя на свете. Такое, какого еще нет ни у кого!

— Да, надо дать ему самое красивое, самое замечательное имя, — сказал Рандриа.

— Подожди сначала, пока ему будет хотя бы месяца два-три. А то мы уж слишком спешим. Не говори пока даже своим.

— Ладно. Ну, давай спать. И смотри, чтобы угорь не ускользнул!

Появление маленькой Малянту озарило новым светом дом супругов. Крохотное существо с вьющимися волосенками и пухленькими щечками.

Собрались друзья и родные — принесли румпацу¹.

¹ Румпаца — подарок или деньги, которые дарят на рождение ребенка.

— Мамина дочка, — говорили родственники Рамаву. — Посмотри-те-ка на цвет кожи, на ее глаза, губы, нос — точь-в-точь мама.

— Но общий облик — вылитый папа! — утверждали родственники Рандриа.

— А между тем мы с женой совершенно не похожи друг на друга! — сказал Рандриа.

— Все так и должно быть: в ребенке сочетаются черты и отца и матери, — сказала бабушка, которая хотела примирить обе стороны.

Маленькая Малянту задвигалась, наверно, недовольная всеми этими разговорами у нее над головой.

— Может, ей холодно? — забеспокоилась одна из тетюшек Рандриа.

— Нет, и так на ней всего слишком много. Не надо чересчур кутать, а то потом будет легко простужаться. Наверное, слишком низкая подушка, — сказала тетя Рамаву.

— Нельзя делать высокую подушку, а то она будет сутулая. Для девочки это очень некрасиво...

— Идемте-ка лучше в гостиную, — сказала Рамаву, увлекая гостей. — Мы слишком шумим и не даем ей спать.

Дом был завален подарками — каждый старался перещеголять другого. Тут и детские комплекты, и одежда, и обувь, и игрушки — Малянту была обеспечена всем необходимым вплоть до семилетнего возраста. Одежда «на вырост» убиралась в коробки и складывалась в шкафы, на шкафы, под шкафы...

Ребенок! Радость семьи! Будущая опора родителей! Опора государства!

Счастье Рамаву и Рандриа не имело предела с появлением Малянту. Они не переставали умиляться, глядя на свою крошку, это прелестное, всегда улыбающееся существо. И не могли налюбоваться. То и дело подходили к изголовью кровати. Часто, когда кто-нибудь один был занят, другой украдкой, на цыпочках осторожно пробирался в детскую. Бывало, заставляли друг друга «на месте преступления», и оба смеялись над собой и друг над другом.

— Когда мы отдадим ее в школу?

— Пусть подольше наслаждается детством — потом придется учиться всю жизнь. Ну, как все. В семь лет — думаю, это нормально.

— Кем она будет, наша Малянточка, когда вырастет? — спросил однажды Рандриа, когда они как-то сидели втроем — Рамаву кормила ребенка.

— Ха-ха-ха! Ты забегаешь слишком далеко. Ребенка еще не отняли от груди, а он уже думает о том, кем он будет.

— Интересно все-таки,— сказал Рандриа.— И потом, вовсе не так уж далеко. Я все время думаю о будущем нашей дочурки. Надо думать об этом уже сейчас... И вообще я заберу у тебя ребенка, как только ты покормишь.

Ребенок! Как луч солнца, он прогоняет тьму и рассеивает тучи, которые порой нависают над домом.

Малыню уже год. Она уже лопочет «папа» и «мама». И Рандриа перевез наконец семью в Антананариву.

Едва устроившись в столице, Рандриа и Рамаву стали расширять свои связи с прогрессивной молодежью как в Антананариву и близлежащих окрестностях, так и в прибрежных районах. День ото дня увеличивалась корреспонденция, идущая из самых разных уголков острова.

Все чаще и чаще обсуждался вопрос о будущем страны: волновались, спорили, доказывали.

— Нам не удастся осуществить наши планы, если мы, малагасийцы, будем по-прежнему разобщены,— сказал Рандриа на одном из собраний, где, как всегда, разгорелся жаркий спор.— Посмотрите, какой антагонизм между племенами. А между различными политическими партиями? Между бедными и богатыми? Даже между католиками и протестантами! Иногда надо чем-то поступиться во имя общей цели — иначе мы ничего не добьемся. Слишком много людей, которых ослепил блеск денег, которых интересуют лишь высокие посты. Другие не видят дальше своего носа — думают лишь о миске риса на сегодня и не могут заглянуть вперед.

— Мы будем топтаться на месте, если так будет продолжаться. Сыты лишь богатые, остальные перебиваются с хлеба на воду. Надо прежде всего покончить с имущественным неравенством — каждый должен иметь по способностям и по труду. Надо, чтобы весь народ получил доступ к образованию — от начального и до высшего. Чтобы каждый человек получил то, чего он достоин, свое законное место в жизни. Начните с ликвидации имущественного неравенства — социальное равенство наступит само..

— Это можно осуществить, только если весь народ осознает, что от него, от каждого из них зависит будущее страны. Если каждый поймет необходимость образования... А сейчас, когда все думают лишь о том, чтоб набить брюхо да карман... До прогресса ой как далеко. Боясь, что даже наши дети еще не смогут в полной мере осознать, понять до конца, что нельзя автоматически перенести западную цивилизацию на малагасийскую почву. Это приведет к потере нашей самобытности, утрате национальных культурных традиций.

— Именно поэтому мы должны звонить во все колокола. Именно сейчас необходимо просвещать и образовывать народ,— сказала

учительница Разака. — В первую очередь необходимо менять его сознание. Ты прав, Рандриа, еще очень много малагасийцев мечтает о европейских порядках. Они-то и являются пособниками бывших колонизаторов.

— Я тоже считаю, что от просвещения, воспитания зависит очень многое. В первую очередь это обязанность тех, кто стоит у власти. Но необходимо, чтобы власти разделяли те цели, которые поставил перед собой народ. Только тогда они смогут повести за собой массы. Надо хорошенько усвоить, что народ нередко иррационален. Люди иногда полагаются на сердце. Их легко сбить с толку, запугать, что часто используют враги в своих интересах. Пользуются серостью, малограмотностью народа. Вот почему порой случаются всякие неожиданности: сегодня люди с тобой соглашаются, а завтра выступают против, сегодня тебе аплодируют, а завтра забросают камнями.

— Я немного хочу сказать о другом. В каком состоянии ревизия деятельности иностранных компаний по добыче полезных ископаемых? Какая провинция не представила еще отчет? Мы должны быстро довести это дело до конца, иначе наши богатства уплывут за океан, пока мы здесь топчемся на месте.

— Почти все готовы, — сказал Рандриа, вытаскивая из портфеля кипу документов. — Значит, так. В провинции Диего все еще хозяйничают колонизаторы. Они получают колоссальные прибыли от экспорта ванили и гвоздики. Как правило, у них нет на это разрешения. Количество экспортируемого не соответствует документации. Порт полностью в их руках. Вот цифры — они дают ясную картину положения вещей в этой провинции. Волосы встают дыбом!.. Далее. Туамасина: пропасть жуликов всех мастей — от мелких торговцев до крупных держав. Каждый делает, что хочет: ввозит, вывозит без всякого ограничения. Набросились, как мухи на патоку. Отчет еще до конца не готов. Наши товарищи надеются в скором времени получить более полную и ясную статистику... Далее. С юга сообщают: положение трудное — большие убытки из-за засухи. Погибло много скота. Однако принимаются все меры. О нефти и угле: пока не совсем ясно. Говорят, якобы запасы не обнаружены. Но даже если и есть, по мнению экспертов, залежи, мол, не покроют стоимости добычи. Наши товарищи, ответственные за этот регион, стали сомневаться, однако, в правильности прогнозов иностранных специалистов. Они должны представить нам подробный отчет о положении вещей, и в скором времени мы будем иметь более ясную картину.

Теперь центральные области. Имеющиеся в нашем распоряжении цифры доказывают стремление некоторых лиц втереть очки властям: дела так ловко запутаны, что наверняка здесь какие-то махинации. Мы не сомневаемся, впрочем, что жуликов быстро выведут на чистую воду. Известия из Анцирабе и Амбатулямпи: иностранные компании по добыче полезных ископаемых, а заодно и сотрудничающие с ними

малагасийцы заволновались. Неспроста они объявили о своем банкротстве и кричат об этом на всех перекрестках — чувствуется, что затевается какая-то новая афера.

После собрания, как обычно, остались перекинуться в картишки — сыграть партию в белот. Игра, однако, не клеилась: все были перевозбуждены после жаркой дискуссии. Да и поздно уже. Постепенно стали расходиться. Остались лишь Рандриа и Рабари. Прибыло полночь, когда они спохватились: завтра рабочий день, и надо бы хорошенько выспаться.

Рабари с женой пошли проводить Рандриа и Рамаву — жаль было расставаться с друзьями и хотелось закончить начатый разговор. Была тихая-тихая безлунная ночь. Один за другим гасли в домах огни. Рабари жили в Анкадифуци. Дом стоял в глубине квартала, и приходилось пробираться маленькими закоулками, чтобы выйти на проезжую улицу. Шли медленно, с наслаждением вдыхая свежий воздух после душевной комнаты. К тому же приходилось внимательно глядеть под ноги — было очень темно.

Женщины шли впереди. Вдруг из темноты выскочил какой-то парень и бросился на Рандриа. Схватил за горло и ударил кулаком в челюсть. Рандриа покачнулся, но сумел вывернуться и изо всех сил дал ногой бандиту прямо в пах. В это время подоспел Рабари и заломил ему руки за спину. Парень понял, что его карта бита, рванулся из всех сил и пустился наутек.

Все четверо не могли прийти в себя от потрясения. Кто этот бандит? Совершенно очевидно, что он не собирался раздеть или пошарить по карманам. У него была иная цель: избить, ранить, а может, даже убить Рандриа. Явно, это один из той шантрапы, которую нанимают за деньги. Но кому это понадобилось? И тут Рандриа вспомнил, что уже несколько раз за последнее время получал анонимки с угрозами. А эти странные звонки среди ночи, предупреждающие «не тревожить зверя в берлоге»?

Безусловно, нападение не было случайным. Рандриа припомнил такой случай: как-то в его конторе взломали замок и переворошили все бумаги. Судя по действиям налетчиков, им нужны были не ценности: пишущую машинку, электронный калькулятор, транзистор, стоящие больших денег, не тронули. Исчезла лишь стофранковая банкнота — рамбундамба¹, которую приготовил Рандриа, но случайно забыл на работе. Она была в запечатанном конверте, и, очевидно, поэтому злоумышленники вскрыли его — разорванный конверт валялся тут же на полу.

Что им нужно было от Рандриа? Что они замышляют, запугивая его всеми возможными способами?

¹ Рамбундамба — деньги на похороны, которые дают семье умершего близкие друзья и родственники.

Стояли жаркие летние дни. Дожди, однако, еще не начались, и было трудно дышать. Задышалась природа. Задыхались люди.

На следующий день Рабари и Рандриа снова созвали собрание. Но никто не пришел... В чем дело? Не смогли? Или причина в другом?

— Мне совершенно ясно, в чем причина, но пока, может быть, не стоит сообщать об этом всем членам партии. Давайте посмотрим, как будут развиваться события. Или среди нас шестерых есть предатель, или уже появились крысы, бегущие с корабля. В худшем случае, вернее, я бы сказал, в лучшем, есть болтуны, не умеющие держать язык за зубами. Но мы уже не дети, мы взрослые люди и должны понимать, что можно, а что нельзя. Нельзя же не давать себе отчета, что от твоей болтливости — или злого умысла — зависит судьба страны. Не знаю, какие мотивы ими двигают, может быть, самосохранение, желание спасти свою шкуру, но не исключаю и возможность подкупа.

— Как-то нелегко поверить в это. До сих пор все дружно несли труды и заботы. Возьмите Радзау. Или, например, Рабеза. Он один из инициаторов нашего дела, активно сотрудничает с нами, не жалея ни сил, ни времени, ни денег. Мы уже подготовили досье и собираемся представить его на обсуждение всех членов партии, прежде чем передать наверх, властям. Теперь у нас в руках факты. Факты, а не просто предположения. Сейчас уже ясно, что до сих пор мы знали лишь ничтожную часть тех преступлений, которые совершили колонизаторы против страны. Наши товарищи, специально уполномоченные расследовать деятельность иностранных компаний по добыче полезных ископаемых, сообщают нам все новые и новые доказательства злодеяний и злоупотреблений. Наверняка за нами установлена слежка с тех самых пор, как мы начали это расследование. И если мы не будем проявлять осторожность и бдительность, — останется лишь поставить точку. А враги только этого и ждут. Им ничего не стоит, не моргнув глазом, повторить «47-й год»... Уже начали запугивать и терроризировать людей. Составлен черный список «смутьянов». Они возомнили себя, очевидно, богами, раз считают вправе распоряжаться человеческой жизнью: ставят против твоей фамилии крест — и тебя «убирают». Видимо, это и напугало наших товарищей, и они не пришли. Больше всего огорчает, конечно, то, что среди нас, должно быть, есть предатель, их соучастник... И такие вот считают себя малагасийцами...

— Какие они малагасийцы! У них разве что цвет кожи остался малагасийским, а образ мыслей и сердце давно уже имеют другую окраску. Неужели не понимают они, что колонизаторы никогда не признают их равными себе, что они лишь используют их, чтобы их руками притеснять других малагасийцев?..

— Бог с ними! Это дело совести каждого. Пока еще достаточно малагасийцев, у которых действительно малагасийские сердца, готовых умереть за родину. Родина принадлежит тем, кто любит ее! А те, кто предает ее, пусть пеняют на себя. Придет время, когда они почувствуют зов родной земли. Но будет поздно. Родина отречется от них, соотечественники заклеймят позором. Что ж, за все в жизни надо платить! Получат сполна за свое пособничество чужестранцам, угнетавшим простой народ, в поте лица добывающий себе хлеб насущный.

— А ты сам... готов умереть? — спросил Рабари.

— Нужно быть готовым, раз мы встали на этот путь. Мы с тобой уже связаны клятвой крови, и позор тому, кто отступится, — ответил Рандриа.

— Ты прав. Отступать поздно — «одна нога уже в лодке». Нельзя идти на попятный, что бы ни произошло. — Рабари говорил твердым голосом, но лицо его помрачнело. — Рандриа... Если со мной что случится, — позаботься о моих, — сказал он, помолчав.

— Я тоже как раз об этом подумал. И ты в случае чего...

— Будь спокоен, — сказал Рабари, протягивая ему руку.

В многозначительном взгляде, необычно крепком рукопожатии выразилась вся их сердечная привязанность друг к другу, уверенность в другом, надежность. Слова и клятвы были излишни.

Рандриа подошел к дому, открыл дверь. Прямо напротив двери — кухня, и он видит своих дорогих: Рамаву и Малянту раскатывают тесто для пирожков. Они так увлечены, что не слышат, как он вошел. Малянту вся в муке — не только руки, все платье, волосенки — «по уши», как говорится.

— Папочка пришел, — подпрыгнула она. Бросилась ему на шею, и начались объятия и поцелуи.

— Малянту, отойди от папы, весь костюм ему измазала! — Рамаву недовольно морщит лоб. Она старается казаться строгой и даже сердитой, чтобы научить дочь бережно относиться к вещам. Но в душе радуется, наблюдая, как забавляется папа с дочкой. — Вы оба до предела легкомысленны. Совершенно не думаете, сколько стоит отдать костюм в чистку!

— Все это мелочи жизни, — отозвался Рандриа, а Малянту продолжала нежно теребить волосы отца.

— Если вы приведете себя в порядок, мы могли бы сесть за стол, — сказала Рамаву примирительно, выпроваживая их из кухни и надеясь прекратить их нежности и дурачества.

— Нет, мы еще поиграем, — захныкала Малянту. Отец посадил ее на плечи, и, о боже, сколько радости!

— Смотри упадешь!.. Осторожнее!..— Рамаву хотела взять ее на руки.

— Не хочу! Не хочу! Па, давай поиграем в лошадку! Ну, поехали! Вот так всегда. Как бы он ни устал, приходя вечером с работы, ласки дочурки моментально снимали с него напряжение. Он уже совершенно забыл обо всех своих неприятностях. Отступили в сторону заботы и тревожения дня.

Сели ужинать. Скромный ужин компенсировался обилием веселья. Шутки, забавы, смех... Шуму столько, что можно подумать, будто у Рамаву пятеро или шестеро детей. Разучивали детскую песенку, которую Малянту слышала во дворе. Хлопали в ладоши, притопывая в такт музыке. Потом играли в прятки... Рамаву остановилась первая — она устала и надо было еще вымыть посуду. Рандриа с Малянту продолжали дурачиться. Наконец Малянту уgomонилась. Рандриа уложил дочурку, напевая ее любимую песенку, пока она не заснула.

Кончив мыть посуду и наводить порядок, Рамаву заглянула в детскую. Рандриа продолжал сидеть около кровати спящей сладким сном Малянту.

— Ты что? — тихо спросила Рамаву.

— Не могу налюбоваться на наше сокровище, — ответил Рандриа, не отрывая глаз от девочки.

— Все-таки мы с тобой счастливые! — сказала Рамаву с чувством.

— Да, мы счастливы, Маву, что у нас есть наша дорогая Малянту. Должно быть, очень несчастны те, у кого нет детей. Не укладывается в голове, что существуют люди, способные поднять руку на ребенка, убивать детей.

Лежа в постели, Рандриа не мог уснуть. Мысль о дочке не давала ему покоя. Ей всего два года. А Рамаву? Ей едва исполнилось двадцать семь. Лучшая пора. Самый расцвет. Возраст великих дел и свершений. «Нет! Нет и нет! Пусть умирают другие. Пусть жертвуют собой, кто хочет. Завтра же сдам все партийные документы, отчеты, собранные материалы... Все! Подам заявление, чтобы меня вывели из руководства. Буду простым членом! Умою руки! Уеду в деревню. Главное — жить. Разведу огород. Как-нибудь прокормлю жену и дочку. Живут же как-то люди...»

Раздался телефонный звонок. Рандриа вздрогнул. Рамаву испуганно села на кровати. Они посмотрели друг на друга. В последнее время от этого маленького аппарата только и можно было ждать плохих новостей.

— Алло! Алло!.. Я слушаю!

Рандриа прикрыл рукой трубку и прошептал:

— Международная.— Он вопросительно открыл глаза. Рамаву поморщилась.

— Я слушаю... Конечно, я! Какие шутки?! А в чем дело?.. Ну, какой-то хулиган напал на нас... Это не имеет значения. Ничего страшного... Я вовсе не ранен, говорю тебе. Ну, испугался, конечно,— от неожиданности... А кто тебе сказал?.. Незнакомый голос? Странно... Постарайся выяснить, откуда это стало известно. Кроме нас с Рабари, никто не знал. Мы не хотели никому говорить, пока все не прояснится, чтоб не было лишних слухов... Ну, конечно же, я, не привидение же говорит с тобой!.. У меня даже нет синяков... Тоже. Вот она рядом со мной, мы только что уложили Малянту... Ну, пока, передавай всем привет...

— Это Зака, из Парижа,— сказал Рандриа, окончив разговор и снова укладываясь в постель.— Ему кто-то позвонил и сказал, что я сильно ранен, чуть ли не при смерти... Он все не верил, что это я с ним говорил и что я жив и невредим. Ох, как мне все надоело! Просто осточертело! Ну, кому нужно звонить в Париж — за границу! — чтобы сообщить, что какой-то хулиган напал на меня? Да еще так экстренно — суток не прошло!

— Что-то мне все это не нравится, Рандриа. Дело может обернуться плохо. Будь осторожен.

— Маву, родная, я решил...

— Что решил? — Рамаву вздрогнула.

— Выйти из партии. Завтра же подам заявление. Пойми меня, не могу я больше. Не могу все время думать, что ваша жизнь... твоя и Малянту... висит на волоске. Уйду — и тебе сразу станет спокойнее. Рамаву встала с кровати.

— Что с тобой, Рандриа? Что с тобой произошло?

Она зажгла свет, чтобы лучше видеть его лицо.

— Не могу больше, Маву. Не могу...

— Удара кулака какого-то мальчишки оказалось достаточно, чтобы ты вот так вдруг бросил все, о чем думали, о чем мечтали еще будучи студентами? Красивые слова говорили: «Спасти родину!», «Бороться за родину!». А на деле? Один удар кулака — и ты сразу же сдался. Рандриа, дорогой, прости, что я говорю слишком резко... Ну, скажи мне, что эти слова вырвались у тебя сгоряча. Ты устал, переутомился... Тебе надо отдохнуть — и все пройдет...

— Нет, Маву. Я тебе сказал — не могу! Надоело! Враги сильны, их много. Ты видишь — ниточка тянется даже за границу. И если уж они взяли кого-то на прицел, не выпустят из своих цепких когтей. Но больше всего меня убивает то, что находятся малагасийцы, которые помогают им вернуть страну к старым колониальным порядкам.

— Но ведь именно ваша деятельность только и может предотвратить это. А ты хочешь отступить, уйти от своих обязательств, от своего долга.

— Замолчи! — крикнул Рандриа и повернулся к ней спиной.
— Почему я должна молчать, если ты себя так ведешь?
— Замолчи, говорю тебе! Не желаю я ни от кого слушать такие слова!

— Хорошо, я замолчу. Но вначале хочу сказать тебе вот что: ты глубоко ошибаешься, Рандриа, умывая руки, когда стране грозит опасность. Ты заботаешься о нас. Но мы с Малянту еще не вся страна. А кто позаботится о будущих поколениях? Это твой долг. Рандриа, наш долг. С нас будут спрашивать наши дети, и в первую очередь твоя дочь Малянту, когда подрастет. Недалек день, когда они будут искать ответа в прошлом и попытаться: а что сделали мои отец и мать? Ты ошибаешься, Рандриа, ты выбрал ложный путь!

— Замолчи!!!

Целую неделю Рандриа не появлялся на работе, его не было дома, не видно было в городе...

«Если меня будут спрашивать, скажите, что я занят и не могу никого принимать в ближайшее время — я должен срочно уехать...» — написал он записку и оставил на столе секретаря.

— Маву, — сказал он, — ты видишь мои душевные терзания. И ты прекрасно понимаешь, что любовь к тебе и Малянту, страх за вас заставили меня изменить свои взгляды. Я отправлюсь на какое-то время в деревню, может быть, на неделю. Надо успокоиться и подумать на досуге, прежде чем решить окончательно. Воспользуюсь случаем, чтоб посмотреть, как идет сбор урожая в Амбату, — я уже давно там не был.

— Взвесь все как следует, Рандриа. Не торопись, — сказала Рамаву. — Не надо так горячиться!

«Может, нам переехать куда-нибудь? Поселиться, например, в маленькой деревушке. У Маву хорошая специальность. И полегче ей будет, не так напряженно, как здесь, в большом городе, а почета и уважения, пожалуй, больше. Интриг и зависти меньше. В деревне сохранились еще какие-то человеческие отношения, чувство дружбы и взаимовыручка. А я заведу корову, разведу птицу, буду выращивать овощи — как-нибудь хватит, чтоб прокормиться. Не знаю вот только, как об этом заявить в партии, какой предлог найти... Вернусь из Амбату — подам заявление. Потому что все наши усилия, вся наша деятельность — впустую. Какие могут быть результаты, когда денег нет и...»

Такие мысли вертелись в голове у Рандриа, когда он ехал вместе с Ракуту в Амбату, время от времени погружаясь в дремоту.

В Амбату приехали днем. В городе было душно. Народ устремлялся на северную окраину города, откуда тянуло дымом

и гарью. Все спрашивали друг друга, в чем дело, что случилось. Вскоре Рандриа узнал, что произошло: ночью сгорели амбары, где хранился урожай. Тонны зерна! Удалось спасти самую малость. Чуть было не погиб сторож. Власти уже занялись расследованием — налицо улики, что это дело рук саботажников.

Рандриа онемел, глядя на пепелище. Он стоял как вкопанный, не отвечая на приветствия. Весь урожай, труд сотен людей погиб безвозвратно! Что же это такое? До каких пор будет продолжаться? Всюду вредительство, саботаж. И все сходит с рук. Враги бесчинствуют безнаказанно.

«Сколько же это можно терпеть?» — думал Рандриа, в бессильной ярости сжимая кулаки.

— Немедленно возвращаемся в Тана, — сказал он Ракуту, и они выехали обратно, несмотря на то, что уже смеркалось и, стало быть, им придется ехать всю ночь напролет.

«Надо действовать, надо что-то делать, — без конца повторял Рандриа. — Сейчас не время сомневаться».

Но беда, как говорится, не ходит одна. Ночь была темная, моросил дождь. Они шли на большой скорости. Вдруг... — т-рах! — отлетело колесо. Нужно было заменить. Только тронулись — лопнуло второе. Так и пришлось коротать ночь до утра на дороге...

После отъезда Рандриа Рамаву не находила себе места. Бралась то за одно, то за другое. Все валилось из рук. Тупая боль давила сердце, по щекам ползли слезы.

В дверь постучали. Вошел Рабари.

— Рабари! — бросилась к нему Рамаву. Рыдания душили ее.

— Что с вами? Где Рандриа? Что случилось?

— Он решил выйти из партии. Говорит, разочаровался. И мы поругались. Я сделала все, что могла, чтобы удержать... но мне кажется, он уже не изменит своего решения.

— Когда вернется, пусть сразу же зайдет в комитет.

— Я передам, но не знаю... Он не пойдет... Если его заставить, это вызовет лишь обратную реакцию. Он разозлится и опять накричит на меня. Когда он придет, я дам знать. Может, вам удастся действовать на него.

— Я думаю, это у него минутное настроение. Не верю, что Рандриа отступится. Вы ведь знаете, он у нас самый надежный, и на нем лежит самый важный и ответственный участок работы. Немного таких, на кого можно полностью положиться и доверять.

Рабари ушел. Маву села за письменный стол и машинально стала перебирать бумаги. Рассеянно перекладывала одну бумажку за другой, а мысли по-прежнему были об одном: «О боже! Когда же кончатся эти несчастья? Только-только блеснет надежда — и опять

сгущаются тучи. Если так будет продолжаться, что станет с нашими потомками? Что ожидает нашу малышку?

Когда же Мадагаскар получит наконец право самому распоряжаться своей судьбой? Когда наконец не останется таких, кто заботится только о собственном кармане и не думает о благе народа? Даже Рандриа не устоял... На кого же вообще можно положиться?*

Вдруг Рамаву услышала голосок Малайнту:

— А что ты мне привез?.. Совсем-совсем ничего?

— С кем ты тут разговариваешь? — Рамаву вышла на крыльцо и остановилась от удивления, увидев Рандриа. Рандриа не ответил. Он обнял Рамаву, прижал к себе. Поцеловал.

— Успокойся, родная. Мы будем бороться. Мы не сдадимся без борьбы.

— А как же?..

— Да, да, я решил. Нужно бороться до конца, каков бы он ни был. За мир на земле, за законность и справедливость в нашей стране, за светлое будущее наших детей — за все это нужно бороться...

— Рандриа, что с тобой творится?.. Разве ты еще не подал заявление?

— Подал — не подал, сейчас это уже не имеет значения.

— Ох, как я рада! Конечно, я в постоянном страхе за тебя, за нас — все может случиться. Но я понимаю — будущее страны важнее. И нельзя собственные интересы ставить выше интересов родины. Меня очень напугало твое настроение в последние дни. Как хорошо, что ты устоял. Продолжай начатый путь, с которого вы не сошли, несмотря на все трудности и минутные колебания. Я знаю, с тобой много товарищей, ты не один, мы не одни.

— Ну если ты будешь лить столько слез — как бы я не засомневался, правильно ли я решил?!

— Не обращай внимания на слезы. Ты же знаешь, что у меня глаза на мокром месте...

— Чтобы доказать, что земля — источник слез? — сказал Рандриа насмешливо. — Слезами делу не поможешь. Крепись. Бывают ситуации похуже.

У Рандриа был твердый голос, сосредоточенный, деловой вид. Он вытащил из сундука кипу бумаг, засунул их в портфель и решительным шагом направился к остановке такси. Он не сказал, куда идет. Рамаву не хотела докучать расспросами.

Зазвонил телефон.

— Алло!

— Это из Амбату... Рандриа дома?

— Его нет... Он только что ушел... А в чем дело?

— Он уже приехал?

— Да, я же вам сказала — он вышел из дома две минуты назад. А что случилось?

— Он вам сказал, наверное, что сгорели амбары с зерном и что это дело рук темных личностей. Он не должен был уезжать — здесь возникло много проблем... Попросите его сразу же позвонить, как только вернется...

Рамаву совсем расстроилась. Почему Рандриа скрыл от нее эту ужасную весть? «Наверное, решил, что я приму близко к сердцу и не стал расстраивать меня, поскольку я в положении, — утешала она себя. — И все-таки...»

Снова зазвонил телефон. «Господи, что еще?»

— Алло!

— Выручите нас, Рамаву. Привезли женщину в тяжелом состоянии. А доктора нет — его вызвали в Антандрзумбату, там опрокинулся автобус.

Рамаву успела лишь накинуть лямбу, оставив на Вулясуа дом и дочку.

Ей не пришло в голову отказаться, хотя она взяла несколько отгулов — хотела немного отдохнуть и привести в порядок дом. Раз ее зовут, она должна идти. Ведь когда решается судьба двух человеческих жизней, — все остальное откладывается в сторону.

Она вела машину автоматически, а мыслями была уже в больнице. Свисток полицейского остановил ее, когда она поехала на красный свет:

— Ваши права, мадам! Вы превышаете скорость!

— Извините, ради бога! Я спешу в роддом — там женщина рождает.

— Спешите спасти одного, а другого можете убить! Будьте внимательнее!

Полицейский вернул ей права. Рамаву отправилась дальше, все время повторяя слова полицейского: «Спаси одного и убить другого». «Правильно он сказал, — думала она. — Я день и ночь, не щадя себя, спасаю жизнь людей. А другие — убивают... Сколько людей погибло от пуль и бомб во Вьетнаме, в Корее? А сколько убивают, сколько замучили в застенках Южной Африки, Родезии, Намибии и других странах в наши дни?..»

Близилось к полуночи. В комнате вдруг стало тихо. Табачный дым стоял столбом. Четверо мужчин не могли больше сидеть — то вставали, чтобы размять ноги, то ходили взад и вперед по комнате, стиснув зубы. Собрание вел Рандриа. События последних дней, чуть было не приведшие его к разочарованию, пробудили в нем невероятную энергию и деятельность. Он бросил вызов врагам,

и теперь ему море по колено. Он ничего не боялся и готов был сокрушить все преграды на своем пути.

— Мы уже довольно долго говорим, — сказал Рабеза, — но так ни до чего еще не договорились. — Пусть каждый подумает как следует. В этом деле нельзя спешить, если хочешь добиться успеха. Нельзя не считаться с тем, что у нас много недругов и недоброжелателей. На каждом шагу нам вставляют палки в колеса. Не забывай, Рандриа, что у нас у всех маленькие дети, что на нас лежит ответственность за семью, долг и обязанности перед родителями...

— Зачем лезть на рожон? — сказал Радзон. — Если создалось безвыходное положение, надо искать другие пути. Жизнь дается только раз, друзья. Если вы хотите знать мое мнение, я скажу. У меня нет маленьких детей, но у меня много родственников, которые на моем иждивении, и я не могу подвергать их риску.

— Значит, ты хочешь отойти в сторону, Радзон? — спросил Рандриа.

— Почувствовал, что дело принимает серьезный оборот — и в кусты? Ты думаешь лишь о своем благополучии. Выстроил себе дом и успокоился. Но подумай также о благе других... о будущем своей страны. Подумай о тех, кто в поте лица зарабатывает хлеб свой насущный и не видит впереди никакого просвета. Странно и непонятно твое поведение. Удивительно, что ты так долго был с нами, вместе мы строили планы, вместе клялись: «скорее умру». А теперь, когда дошло до дела, когда мы вот-вот нанесем удар по врагу, именно теперь ты отступаешь. У тебя же в руках — ты сам собрал — неопровержимые доказательства злодеяний и злоупотреблений иностранных компаний. И ты позволишь им спокойно жить и по-прежнему, как раньше, грабить наши богатства? А может, ты заодно с ними? Может, ты сотрудничаешь с ними?..

— Поосторожнее в выражениях, Рандриа. Мы должны быть осмотрительны в таком деле. Береженого бог бережет! Если на тебя направлено ружье и ты не пригнешься — это равносильно самоубийству!..

— Мы переливаем из пустого в порожнее, — сказал Рабари. — Давайте пока разойдемся. У нас с вами общая родина, и каждый служит ей, как может. Мы должны исполнить свой долг. Отмахиваться, добровольно закрывать глаза на опасности, угрожающие будущему страны, — значит вставать на сторону врага.

Наступило гробовое молчание. Никто не осмеливался посмотреть друг другу в глаза — одни уставились на носки ботинок, другие следили за дымом своей сигареты.

— Я ухожу, — сказал Радзон. — Мне надо рано вставать — я еду завтра в Фьянранцуа... по семейным делам. Меня не будет в городе несколько недель.

— Ты уходишь от дела?

— Если вы не можете его отложить, действуйте без меня. Но вы несете ответственность за последствия... Пока!

— Гм! Что он хотел этим сказать? Как-то странно все,— задумчиво произнес Рабари.

— Да, более чем странно,— подтвердил Рандриа.

Трое оставшихся переглянулись. Каждый спрашивал себя, что значит «несете ответственность».

Рабари вывел автомобиль — развозить друзей по домам.

Шел проливной дождь. Окаменевшая от многомесячной засухи земля жадно впитывала влагу. Дождь барабанил по стеклам машины, заглушая голоса. Да и нечего было говорить. Все погрузились в раздумья. Лишь Рандриа вымолвил, тяжело вздохнув: «Товарищей много, но мало на кого можно положиться».

Рандриа приехал домой с первыми лучами солнца. Ему так и не удалось сомкнуть век — пора было собираться на работу.

— Вы должны как-то ограничить свои собрания, иначе ты погубишь свое здоровье. Вот уже больше недели возвращаешься под утро.

— Ты права,— сказал Рандриа.— Но положение осложняется. Игра пошла не на жизнь, а на смерть... и многие засомневались. Ты помнишь, мы начинали все это вдесятером. Сейчас нас осталось только четверо... даже трое... Но дело уже сдвинулось с мертвой точки, и теперь нельзя останавливаться на половине дороги.

— Да, остановиться теперь трудно! Повсюду начинается брожение. Народ готов подняться в любой момент — чаша терпения переполнилась. Люди морально созрели, осознали, что их душат и они задыхаются. Не все, конечно. Многие еще не видят выхода. Не могут разобратся в обстановке. И мечутся, не знают, что делать.

— Придет время нашего освобождения. Но надо бороться... Я сегодня не буду обедать дома и, очевидно, опять приду поздно — нужно обсудить несколько важных проблем.

Уже давно за полночь, но никто еще и не думал уходить. Они собрались в этот вечер в доме у одного из представителей французской компании.

— Здесь много говорилось и обсуждалось, все высказали уже свои соображения. Но дело обстоит гораздо проще,— сказал мосье Раймон, пожилой француз с красивой седой головой.— Вы «получаете», мы — «даем». Я вручаю чек на три миллиона франков, вы даете досье. Деньги можете получить сразу, но лучше брать в разные дни, чтобы не вызывать ненужных разговоров в банке.

— Так-так!— начал было Рабари, приподнимаясь, но запнулся, не смог продолжить.

— За кого ты нас принимаешь? — возмутился Рандриа. — Ты думаешь, нас можно купить, выставив нам тут виски и коньяки? Да еще за деньги, которые ты получил, эксплуатируя наши богатства и выжимая все соки из нашего народа? И ты имеешь наглость предлагать теперь эти деньги нам?

— Ну, что ж, — не удивился Раймон. — Сумму можно увеличить. Каковы ваши условия?

— Ну, это уж слишком! — Рабари встал, засучивая рукава. Он тяжело дышал, кулаки сжимались, лицо нервно подергивалось. Рандриа еле удержал его.

— Вы еще пожалеете, что не согласились, — сказал мосье Винсент, который молчал в течение всего вечера, хотя чувствовалось, что именно он инициатор сделки.

— Пожалеет? Что ж... Но вы ответите за кровь наших соотечественников, за те беззакония, которые вы здесь творили... За пот малагасийцев, которые десятилетиями корпели на вас. Наконец-то выявились все ваши махинации, вся ваша ложь и обман. А теперь вы осмеливаетесь предлагать нам деньги, награбленные у нашего народа!.. Неслышно!.. Действуйте у себя в стране подобными методами! А у нас это не пройдет... Сволочь ты, больше ничего! Вот уж вы-то и есть дикари...

И Рабари с Рандриа ушли, не попрощавшись, хлопнув дверью. У обоих на душе было мерзко от бесцеремонного обращения и унижения, которому их подвергли.

На следующий день встретились снова. На лицах все еще видны были следы бессонной ночи. Усталость усиливала и без того мрачное настроение.

— Посмотри, снова кипа анонимок, — сказал Рабари, протягивая письма.

— Я уже видел, получил точно такие же, — ответил Рандриа.

— Наверху уже знают о наших намерениях, как ты думаешь?

— Вот уж действительно: «пойдешь вперед — дедушка умрет, пойдешь назад — бабушка умрет». Если дошло до верхов, то тем лучше. Плохо только, что информацию они получили из чужих рук. Им могли наговорить, что мы пытались организовать экономический саботаж и свергнуть правительство.

— Поэтому и надо довести дело до конца. Что бы там ни говорили. Мы должны делать вид, что ничего не знаем. Пока полностью не исчезнет у нас класс прихлебателей, пока не изменится их психология и не придет им на смену новое поколение, до тех пор в стране не будет ни порядка, ни прогресса.

— Я думаю — среди нас есть предатель. И несомненно, что кто-то наверху тоже заодно с колонизаторами.

— Не исключено. Обычная ситуация развивающейся страны. Не могут же перемены произойти сразу вдруг: ведь и быки, которые легли спать одновременно, просыпаются в разное время. Так и сознание людей. И хотя знамена империалистов повержены, еще многие, к сожалению, мечтают о возвращении страны на прежний путь, к старым порядкам. Немало и таких, как вчерашние деятели, — ради своего благополучия они любыми способами пытаются нейтрализовать патриотов. Да что говорить, большинство вообще не понимает, во имя чего мы боремся. Единственное, что их волнует, — как бы не тронули их кубышку. Благо народа, страны для них — пустой звук.

— Значит, будем действовать? Не допустим, чтобы наше дело засохло на корню? — сказал Рандриа. — Да, мы не можем отступить. В противном случае кучка стяжателей приведет страну на край гибели.

Рандриа собирался отправиться в Анцирабе в субботу на рассвете — необходимо было согласовать с местными руководителями отчет. А вернуться хотел в воскресенье вечером.

— У меня есть два отгула, — сказала Рамаву, — и мы можем с Малянту поехать с тобой. Отдохнем немного, пока вы будете заседать.

— Хорошая идея... но не тяжело ли тебе? — возразил Рандриа. — Ты не окрепла как следует после болезни. Я бы на твоём месте не выходил из дому еще несколько дней.

— Нет. Я мечтаю подышать свежим воздухом. И Малянте это будет полезно, — у нее что-то нос не в порядке. Да и Вулясу никогда не была на озере Андрайкиба. А заодно заедем в Фандриана к сестре.

Рандриа терпеть не мог, когда Рамаву перечила ему, и как всегда в таких случаях, замолчал. Каждый занялся своими делами.

Рамаву уложила вещи, кое-какие мелочи, собрала еду в дорогу. Потом легла. Рандриа все еще разбирал бумаги, которые хотел взять с собой. Вскоре он тоже прилег, чтоб хоть немного отдохнуть. Но заснуть не смог — дало о себе знать перенапряжение последних дней. Где-то в середине ночи стала кашлять Малянту. Рандриа встал, пощупал лоб: кажется, горячий. Он разбудил Рамаву.

— Посмотри, что с Малянту. По-моему, у нее температура.

— Да, ты прав. Придется нам остаться, ей нельзя ехать в таком состоянии.

Поставили Малянту горчичники и снова легли. Но сон покинул их окончательно. Молча лежали они в темноте, погрузившись в думы. Что сулит им завтрашний день? Надежды сменялись разочарованиями. Иногда представлялось, будто небо вот-вот расчистится, а то вдруг

окутывала такая густая тьма, что, казалось, ее можно пощупать руками.

Где-то пропел петух и вернул их к действительности. Встали. Все еще тяжело было на душе. Молча распаковали чемодан — надо было вынуть вещи Рамаву и Малянту, раз они остаются.

У ворот уже стояла такси. За рулем сидел незнакомый человек. Рандриа удивился: его должен был везти один из их товарищей.

— В чем дело? — обратился он к шоферу.

— Тот товарищ не смог и просил меня заменить его.

Рандриа заколебался — ему это показалось странным. Но выхода не было.

Едва забрезжило, выехали. Они не знали друг друга, говорить было не о чем. Обменялись лишь несколькими ничего не значащими словами. Вскоре Рандриа стал замечать, что машина чересчур часто замедляла ход: он прекрасно знал эту дорогу на Анцирабе, те места, где нужно замедлить ход, все повороты, которые могут быть опасными в такой темноте, как сейчас. И ему стало не по себе. Еще больше он забеспокоился, когда заметил, что сзади, примерно на расстоянии километра, за ними следует машина. Она замедляла ход одновременно с ними. Он подумал, что надо бы запомнить номер, но было еще довольно темно и номера не было видно.

Достигнув верхней точки подъема, машина остановилась.

— Извините, — сказал шофер. Он вышел из машины и направился к багажнику. Рандриа оставался один буквально несколько секунд, как вдруг почувствовал, что машина покачнулась. Он обернулся — шофер пытался столкнуть автомобиль в пропасть. Рандриа едва успел выскочить — машина с грохотом полетела под откос. Рандриа бросился на шофера, но тот успел изо всех сил ударить его ногой. Рандриа отлетел на обочину, ударился головой о придорожный столб. В этот момент подошла следовавшая за ними машина, приостановилась на мгновение, включила все фары. Ослепленный, Рандриа совершенно ничего не видел. Раздалось несколько выстрелов... Падая, он слышал лишь рев мотора набирающей скорость машины.

Едва Рандриа уехал, Рамаву позвонила Рабари и рассказала о насторожившей их странной и непонятной замене шофера. Через четверть часа Рабари уже мчался вдогонку, но когда они подъехали, от злодеев не осталось и следа.

С трудом спустились они вниз, к речушке, куда скатилась машина. Она все еще дымилась. Рандриа пластом лежал неподалеку — зацепился за куст и лишь поэтому не упал в воду. Он был весь в крови и едва дышал. Рабари с шофером осторожно перенесли его в машину и направились прямо в больницу Вефелятанана. Сделали все, чтобы его спасти, но...

Боже, сколько слез было на следующее утро, когда Малянту узнала, что отец уехал без нее.

— И не стыдно тебе так плакать перед твоими куклами? Посмотри, как они смотрят на тебя. Иди-ка сюда. Вот твоё молоко. Ты ведь любишь с медом, правда? Ай, как вкусно! Если будешь умницей и выпьешь все молочко, кашель быстро пройдет.

— А когда папа вернется, он повезет нас кататься, правда? — сказала Малянту.

— Конечно. Вот только ты выздоровеешь, — ответила Рамаву, засовывая ей ложку в рот. — И мы все вместе поедem в Анцирабе.

Обе были еще в халатах, когда раздался стук в дверь. Рамаву пошла открывать, но Малянту подскочила первой: она думала, что это папа вернулся.

Пришел пастор Раманиса, большой друг семьи. Обнялись. Раманиса не ответил на улыбку Рамаву и отвел в сторону глаза. Хотя они дружны много лет, его приход в такой ранний час был необычен. И каким-то шестым чувством Рамаву поняла, что эта минута окажется роковой в ее жизни.

— Проходите, пожалуйста. — Рамаву попыталась собрать все свои силы, уже предчувствуя беду.

Убийство? Пожар? Наводнение?.. Тысяча других несчастий промелькнули у нее в мозгу — все, что обычно приходит людям в голову в таких случаях.

— Соберитесь с духом, Рамаву... — начал наконец пастор.

— Раманиса... Что случилось? — прервала его Рамаву.

— Маву... Убили Рандриа... Соберитесь с духом, Маву. Подумайте, что будет с Малянту, если с вами что-нибудь случится...

Рамаву застыла, окаменев. В последнее время столько было всего: ложь и клевета, запугивания и шантаж, штрафы и обвинения в каких-то преступлениях... К этому уже как-то привыкли, почти не реагировали. Но такое...

— Рандриа... — только и смогла она вымолвить. В глазах помутилось. Она ничего не понимала. В голове была полная пустота. Пустота во всем теле.

Пастор рассказал, как это произошло там, на дороге. Она молча слушала, но ничего не воспринимала. Лицо ее застыло, как маска. Пришел Рабари, но она даже не заметила его. Пастор и Рабари по очереди старались утешить и подбодрить ее. Рамаву не слышала...

Малянту сидела на коленях у пастора, засунув палец в рот. Она с удивлением смотрела то на одного дядю, то на другого, не понимая, отчего они сегодня такие — не улыбаются и не шутят, как обычно.

— Возьмите себя в руки, Рамаву. Посмотрите, что с вашим ребенком, как она жалобно смотрит, — снова сказал пастор и поцеловал Малянту в лобик.

— Мамочка, что с тобой? — Малянту слезла с колен пастора и подошла к матери, которая молча глотала слезы.

Только теперь Рамаву как будто очнулась, крепко прижала к себе дочурку.

— Родная моя Малянточка. Сиротинка! Больше мы уже не увидим нашего папочку!.. Нет... Рандриа!.. Нет, это неправда!..

— Но ведь он же сказал, что придет завтра, и мы...

— Нет, он больше уже не вернется... Никогда! — Рамаву стала трясти Малянту за плечи, как будто хотела заставить ее осознать случившееся. Ей хотелось, чтобы Малянту пожалела ее, разделила с ней горе, страдание, боль...

— Папочка умер. Он никогда больше не вернется, Малянту! Никогда! — она поцеловала девочку, прижалась своим мокрым лицом к ее щечке.

На лице Малянту было удивление и непонимание. Когда ей рассказывали о смерти бабушки и дедушки, ей все было ясно: она их не знала, никогда не видела и поэтому смерть для нее означала что-то несуществующее. Но когда говорят о папе, с которым они только вчера играли и дурачились... Нет, она не понимала, что это значит «умер».

— Маву, перестаньте, — уговаривали ее. — Надо ехать за ним в больницу. Приготовьтесь к встрече.

Можно ли сказать, кого тяжелее потерять из близких: мужа, друга, родителей? Когда смерть вырывает из рук любимого человека, кажется, что твоя душа уходит вместе с ним и сердце разрывается на части. Для Рамаву вся ее жизнь, все душевные и физические силы — все ушло из ее тела, умерло вместе с Рандриа.

«Рандриа, родной...» Рамаву содрогалась от рыданий, когда открыли покрывало.

«Рандриа, родной мой! О люди, какие вы страшные звери!»

Она целовала, гладила мертвенно-холодное лицо, заливая его горячими слезами. «Прощай, любимый! Будь уверен, когда-нибудь ему придется встретиться со мной, и рано или поздно он ответит за это...»

Как тяжело было для нее расставание! Только теперь, пожалуй, она осознала, ощутила ужас смерти. Конец!.. Хотя Рамаву, воспитанная христианкой, верила в воскресение и загробную жизнь, все протестовало в ней, когда она видела, как заворачивали тело Рандриа в три слоя лямбамены¹, собирая в последний путь. «Все вышло из праха и все обратится в прах». Да, это так, но ум отказывается принять это, когда дело касается тебя...

¹ Лямбамена — специальная ткань, в которую малагасийцы заворачивают покойников перед тем, как положить их в склеп.

На много дней, месяцев, лет лишь печаль поселится в ее сердце. Воспоминания будут разрывать ей сердце, воспоминания о бесконечно любимом, о безграничном счастье, дарованном ей судьбой.

«И я, Рандриа, буду любить тебя до последнего своего дыхания...»

Рабари с женой старались как-то подбодрить Рамаву, смягчить ее горе, поддержать.

— Хорошо бы вам поехать на берег моря, прежде чем снова начнете работать, — уговаривал ее Рабари, — у вас очень усталый вид.

— Нет, я приведу в порядок дом, оформлю похоронные бумаги и выйду на работу. Мне легче будет на людях, работа как-то отвлекает. Рандриа умер и ничто уж не сможет его вернуть. Рабари, не осуждайте меня, если я буду искать по всему свету человека, который убил Рандриа.

— Маву, я даже готов помочь вам. Рандриа — солдат, погибший на поле боя. Долг всех его друзей и соотечественников — провести расследование, докопаться до правды. Но что вам это даст? Ну, накажут одного-двух, если найдут. Это не помешает, однако, их сообщникам творить все грязное дело. Хватит того, что мы уже пережили. Соль, упавшую в воду, не вернешь, разлитую воду не соберешь. Надо уничтожать истоки зла — тогда прекратится террор и вот такие зверства. Главное, искра не погасла. Смерть Рандриа лишь подлила масла в огонь. Его жертва воспламенит любовь к родине в сердцах многих и многих малагасийцев. Не сомневайтесь, придет день, когда вы убедитесь воочию, что Рандриа умер не напрасно. Вы увидите новую страну, которая обретет свои законные права и займет достойное место в ряду других стран.

Дружеская поддержка и участие, внимательность и забота друзей и товарищей Рандриа придавали Рамаву силы. Она видела их человечность, стойкость перед лицом неудач, их готовность идти до конца в борьбе, которую ведет малагасийский народ. И вообще, есть еще люди, на которых можно положиться, — все это не давало ей замкнуться в своем горе.

Постепенно Рамаву возвращалась к жизни. Большую роль в этом сыграла ее работа. Помимо средств к существованию, она давала чувство независимости и уверенности. Рамаву находила удовлетворение в работе, сознавала необходимость и важность своего труда. Немало бессонных ночей провела она, спасая жизнь женщинам и детям! Множество женщин приходили к ней просто за советом, за моральной поддержкой.

«Сколько человеческих жизней спасли вот эти мои руки! А ведь порой у меня у самой жизненные неурядицы... И все-таки я не самая несчастная на свете. У меня есть работа. У меня есть Малянточка... А ведь многие лишены этой радости. Сколько женщин не могут иметь

детей!.. Как трудно порой заставить их обратиться к врачу. И как приятно видеть потом этих счастливых, со слезами на глазах прижимающих к груди своего первого ребенка!»

Только такие женщины, как Рамаву, в полной мере понимают ценность каждой человеческой жизни, и это заставляет их ненавидеть кровопролитие. Нет такой причины, которая могла бы оправдать убийство. Человек достаточно разумное существо и может упорядочить жизнь на земле таким образом, чтоб не лилась кровь и люди жили и трудились в мире.

Время близится к полуночи. Тихо вокруг, ни звука. В такие ночи душа наполняется тоской. Сердце сжимается от ноющей боли, и нет сил отогнать воспоминания. Они поднимаются откуда-то из глубины. Вырывается глубокий вздох, и к груди подкатывает... Днем обычно заботы и хлопоты, радости и огорчения как-то отвлекают. И чем больше забот, тем меньше остается времени для переживаний.

Всего полчаса, как Рамаву легла. Она еще не успела заснуть. Думала. Надо бы ответить на письма, их накопилось довольно много... Вдруг раздался звонок. Рамаву мгновенно вскочила, схватила трубку.

— Это Рамаву? Выручите нас, Рамаву! Трудные роды. А доктора нет в городе.

— Сейчас приеду. Подготовьте ее...

Рамаву вывела машину, стараясь не шуметь, чтоб не разбудить соседей. Но они уже давно привыкли и лишь тихонько вздыхали, услышав шум мотора. «Тяжела работа акушерки в большом городе», — успевали подумать они, переворачивались на другой бок и, натянув на голову одеяло, снова принимались дружно похрапывать.

Машина мчалась как ветер. Дорога пустынная. Не было ни души. Рабочий люд еще не проснулся. Безработные и зумака¹ тоже еще не вылезли из своих трущоб.

Несколько мужчин нетерпеливо ходили взад и вперед по коридору. Некоторые были здесь еще со вчерашнего вечера. Другие ждали уже несколько дней, освоились, перезнакомились. Третьи только что пришли и были полны сил и энергии — бодро фланировали вдоль по коридору. Знакомая картина. Рамаву не обратила бы на них никакого внимания — обычно она проходила мимо, не замечая этих нервно взволнованных пап, часто даже подтрунивала над ними. Но поведение одного из них обратило на себя ее внимание. Увидев Рамаву, он заметался, как бы ища, куда юркнуть, спрятаться, провалиться сквозь землю... Рамаву удивилась, но она так торопилась, что ей некогда было долго раздумывать об этом. А потом и вовсе забыла — закутилась на работе.

¹ Зумака — тунеядцы, хулиганы, деклассированные элементы.

Женщина, которая ждала Рамаву, совершенно выбилась из сил.

— Вам необходимо немедленно на операционный стол, — осмотрев ее, сказала Рамаву. — Уже наступил срок. Надо делать кесарево, иначе вы не выдержите. Соберитесь с духом. Это нужно не только для вашего ребенка, но и для вас. И не бойтесь. У нас хорошая больница, новое оборудование. Бывали случаи потрудней вашего, и не раз. Вы пришли как раз вовремя, в самое время, так что все будет хорошо.

Женщина — ее звали Расера — не переставала кричать. Такие случаи редки: малагасийские женщины считают зазорным даже стонать во время родов — так их воспитывают. Если вы услышите стоны и крики около родильного дома, — скорее всего это рождает не малагасийка.

— Если я умру, что будет с мужем и детьми? У меня их девять. Муж шофер, получает мало, да к тому же пьет. Ой, как я боюсь!

— Возьмите себя в руки, — повторяла Рамаву, готовя ее к операции. — Только это вам сейчас нужно. Этим вы поможете нам и спасете себя и ребенка.

— Это последний. Ей-богу, последний! Больше не буду рожать. Хватит, и так слишком много... На этом поставлю крест.

Расера корчилась и кусала окровавленные губы. Кричать она уже не могла — из горла вырывались лишь хрипы...

— Ну, вот и все. Девочка. Поздравляю! Ух ты, какая горластая! Ну, кричи, кричи — пусть мама услышит твой голосок.

— Спасибо, доктор. — Расера облегченно вздохнула и улыбнулась. Из глаз катились счастливые слезы. У нее начался озноб, который иногда бывает после родов. Кроме того, она дрожала от пережитых волнений и страхов.

— Отвезите ее в палату. Дайте кислород и поставьте капельницу.

Но врачи тревожились — положение Расеры оставалось тяжелым. На лице проступила мертвенная бледность. Губы посинели. Она была в полубессознательном состоянии. Только к вечеру наступил перелом, появилась уверенность, что опасность миновала.

Вечером Рамаву зашла в палату проведать Расеру. Той стало немножко получше, хотя она была еще очень слаба. Лежащие с ней в палате женщины собирались выписываться. Они не могли больше спокойно лежать, все время думая, как там дома муж и дети. Раньше — обсуждали женщины перемены в жизни — после родов нужно было лежать в постели целый месяц. Мать, сестры, золовки, свекровь — все крутятся вокруг тебя. Подают, убирают, ухаживают, а ты, как белоручка, лежишь себе, ничего не делая. А теперь? Едва переступишь порог дома, сразу же на тебя наваливается вся домашняя работа, и начинается...

— Те, кто выписывается сегодня, будьте осторожны. Желаю, чтоб ваши малыши росли большими и здоровыми. Через две недели приходите на консультацию. Не тяните слишком долго, особенно если

что не так. Не ленитесь — первый год просто необходимо, чтобы ребенок был под наблюдением врача.

— Большое спасибо вам, доктор. До свидания!.. До новых встреч!.. — шутили женщины, забавляясь.

— Тебе будет спокойнее, когда уйдут эти хохотушки, — сказала Рамаву Расере. — Постарайся как следует выспаться, и силы быстро восстановятся. Завтра я загляну, хоть это не моя смена...

Рамаву хотела уйти сегодня пораньше, чтоб немного отдохнуть, — все-таки бессонная ночь давала о себе знать. Но привезли двух женщин с тяжелыми родами. Никто не знает, почему иногда одни трудные роды следуют за другими, а в иные дни все рожают нормально. Это могут объяснить, очевидно, только «мпанандру»¹. Ведь до сих пор еще практикуется этот обычай: ничего не начинать, не проконсультировавшись с «мпанандру» — будь то свадьба, похороны, фамадиана² и даже вот роды. «Мпанандру» указывает день, наиболее благоприятный для этого. Отсюда и происходят потом всякие казусы, осложнения, даже несчастные случаи. Правда, это становится все реже, а во многих местах уже полностью исчез такой обычай. К счастью, теперь уже не услышишь рассказов о том, что родившегося в месяц алякоси³ ребенка положили на блюдо для просеивания риса и пропустили по нему стадо быков. Если, мол, этого не сделать, то может случиться беда с отцом или матерью, может даже произойти правительственный переворот...

Стадо быков! Какой страх, должно быть, испытывали женщины в те времена — ведь мать всегда есть мать!

Только поздно вечером Рамаву наконец освободилась и отправилась домой. Она валилась от усталости — ведь почти сутки не присела ни на минуту. Медленно шла она по коридору. Было тихо, навстречу попала лишь уборщица с ведром и щеткой. Проходя мимо палаты, в которой лежала Расера, Рамаву заметила, что там горит свет, и решила провести свою подопечную. Она тихонько приоткрыла дверь. И, о ужас! Что она видит? Тот самый мужчина, что так странно прореагировал на ее появление вчера ночью, лихорадочно сбрасывает в кучу вещи. Расера, уже одетая, сидит на краю кровати.

— Что здесь происходит?

— Я забираю ее.

¹ Мпанандру — астролог, составитель гороскопа.

² Фамадиана — обычай перезахоронения умерших родственников.

³ Алякоси — девятый месяц малагасийского лунного календаря.

— Расера, вам еще нельзя вставать с кровати... Вы что — хотите убить ее?!

— Не твое дело! Это моя жена! И я сам отвечаю за нее,— ответил мужчина.— Она должна немедленно идти домой.

От него несло самогонкой. Он сжимал кулаки, нервно стиснув челюсти. Расера облокотилась на спинку кровати, изнемогая от слабости. Она дрожала, лицо бледное, ни кровинки.

— Расера, немедленно ложитесь в кровать. Я вам не разрешаю уходить из больницы... Ваша жена больна, господин. Вы понимаете или нет, что такое «кесарево»? Благодарите бога, что нам удалось ее спасти. А теперь вы хотите убить Расеру? Вы не уведете ее отсюда, я вам не позволю ни за что!

— Ты не можешь мне запретить! Это не твое собачье дело, понятно?! — Мужчина вытащил пистолет.

— И-и-и!!! Господи, он ненормальный! — закричала Расера.

— Собирайся, Сера. Скорей, мы уходим. Она же погубит тебя и ребенка.— Он не сводил взгляда с Рамаву.— Вот прикончу и тебя тоже...

— Так это ты?..

— Ну, я, я... — сказал он с вызовом.— Покончу наконец со всей вашей семейкой! Надоели мне всякие намеки и подозрения. Нет никакого житья ни от людей, ни от властей.

— Так вон оно что?.. Ну, что ж, давай!.. Тебе недостаточно, что ты убил мужа и сделал сиротой моего ребенка, когда ему было всего три года? Убей же и меня! Что сделали мы тебе, что ты считаешь себя вправе распоряжаться нашими жизнями, негодяй?!

Рамаву шагнула к нему. Взгляд ее был твердым, она смело смотрела в черное дуло направленного на нее пистолета.

— Не приближайся ко мне, а то я и в самом деле выстрелю.— Мужчина отступил.— Сера, быстрей! Бери ребенка!

— Что же ты не стреляешь? — Рамаву сделала еще один шаг к нему.— Или ты трусишь?

Между ними оставалось два метра. В эту минуту Рамаву подумала: сколько времени она искала встречи с убийцей Рандриа, и вот он перед ней...

— Чего же ты ждешь? Твои руки уже обагрены кровью ни в чем не повинного перед тобой человека. Что ж, убей теперь и меня — ведь это я спасла твою жену и ребенка. Но скажи сначала, сколько вдов и сирот на твоей совести? Сколько денег ты получил, убивая малагасийцев, своих братьев по крови?

Расстояние между ними сократилось до метра. Голос Рамаву становился все выше.

— Почему же ты не стреляешь? Я тебя ничуть не боюсь!

Рука его задрожала, дуло пистолета то поднималось, то опускалось. Рамаву медленно подходила, мужчина отступал к стене.

Рамаву подумала, что пистолет, наверно, не заряжен, раз убийца не стреляет, хотя рука у него перестала дрожать.

И вдруг раздался выстрел.

— Ой, Дзи! — закричала Расера, бросилась на пол и закрыла лицо руками. Ребенок заплакал.

Рамаву бросилась вперед и схватила мужчину за руку. Прогредел еще один выстрел, и пистолет отлетел под кровать ребенка, который надрывался от крика. Никто не пострадал. Лишь две дырки образовались в стене.

Все произошло в мгновение ока. Дзи бросился к окну и вскочил на подоконник. Рамаву и Расера вцепились в него, держа за руки с двух сторон. В этот момент в палату вбежали дежурившие в этот вечер врачи и сестры. Четверо мужчин подоспели на помощь Рамаву и Расере — держать Дзи, чтоб он не прыгнул с пятого этажа. Тот вырывался, отбивался ногами, кулаками. Невобразимые ругательства и проклятья неслись в адрес всех и вся, даже собственного ребенка, который уже закатывался от крика. Рамаву схватила малышку и подала ее матери.

— Возьмите ребенка, покормите его и немедленно ложитесь в постель.

Расера вся дрожала. Она отказывалась кормить ребенка и продолжала плакать.

— Рабари! — Рамаву упала на грудь Рабари и зарыдала. — Это он убил Рандриа. — Она прятала на его груди лицо, чтоб не видеть ненавистного ей человека. Того уже вывели из палаты.

— Маву, успокойтесь, — сказал Рабари, когда они пришли в ординаторскую. — Я позабочусь об остальном. Он получит по заслугам. Мы не позволим, чтобы смерть Рандриа и его товарищей, сложивших голову за родину, осталась безнаказанной. Сейчас я вызову полицию, а потом отвезу вас домой. Успокойтесь. Берегите себя.

На следующий день Рабари зашел сделать Рамаву укол и измерить давление. Маланту стояла у изголовья постели и заплетала ей косы.

— У мамы очень длинные волосы, поэтому растрепались.

Обменялись лишь несколькими словами о здоровье, погоде и замолчали — нахлынули воспоминания о Рандриа.

— Ну, что вы думаете? — сказал Рабари. — Все его дружки уже в руках у властей. Говорят, это были наемные убийцы. Схватили их главаря. У него обнаружили огромные суммы денег — и малагасийские и валюту. Очень много фальшивых.

Рамаву глубоко вздохнула.

— Рабари, хватит с меня того, что я видела своими глазами лицо этого подонка. Если бы я захотела, то могла воспользоваться моментом, когда пистолет выпал у него из рук. Я могла бы дать ему возможность покончить с собой, когда убийца пытался выпрыгнуть из окна, и не несла бы ответственности за его смерть. Мои руки постоянно в крови, но они чисты. На них кровь тех, кому я спасаю жизнь. У меня достаточно возможностей отомстить ему еще и теперь — в моих руках его жена и ребенок... Я ненавижу этого убийцу, но я не из числа тех, кто проливает малагасийскую кровь.

— Рамаву, — спокойно сказал Рабари. — Я восхищаюсь благородством вашей души и силой убеждений. Преклоняюсь перед добродетелями вашего сердца — вы возвысились до вершин духа, недостижимых и непонятных многим людям наших дней. Однако... поймите, я не критикую и не осуждаю, я просто не могу согласиться с вами отпустить бандита. Нет и нет, дорогая моя! Зло должно быть наказано. Он должен понести самую тяжелую кару, которая может присуждаться властями за подобное преступление... Как вы, так и я — сколько мы перенесли за эти годы? Нас обвиняли в соучастии с этими продажными типами... В том числе, что мы стремимся захватить власть... и бог знает в каких еще грязных делах... вплоть до того, что мы были с вами близки... и поэтому... «убрали» Рандриа...

— Рабари, умоляю вас, не продолжайте!

— Что тут происходит? — спросила Саундра, жена Рабари, неожиданно появившись на пороге. Но никто не ответил на ее вопрос.

— Мне так же тяжело, как и вам, — снова начал Рабари. — Но я молчал все это время. Я готов был вынести любую клевету, лишь бы не причинить вам боль. А сейчас я могу открыто сказать здесь, в присутствии своей жены: если бы я пытался это отрицать или что-то объяснять, подумали бы, что я хочу скрыть вину или оправдаться. Но я не сомневался, что после темной ночи всегда наступает утро, рано или поздно. Правда пробивает себе дорогу.

— Попадите, Рабари! Довольно! Вы бередите начавшую зарубцовываться рану.

— Нет. Я еще не кончил, Рамаву. Это не тот случай, когда надо проявлять благородство и всепрощение. Преступники должны поплатиться за свои злодеяния, вся их шайка. Пусть Верховный суд решает теперь и определяет для них меру наказания. Иначе они будут продолжать свое грязное дело и даже кичиться этим. И если вам недостаточно ясна вся гнусность их деяний, то вот посмотрите — это список тех, кого они намеревались убить. А вот и билеты — они заранее приобрели их, чтобы ударить за границу...

Рамаву закрыла лицо руками.

— Ужас! Какие негодяи!

— Вот именно! — подтвердил Рабари.

— Рабари, как бы там ни было, я остаюсь при своем мнении — лично я не могу пролить кровь кого бы то ни было... Но, должно быть, вы правы — пусть Верховный суд возьмет на себя всю ответственность и прекратит эти убийства. Конечно, нельзя прощать врагов страны.

Саундра держала в руках огромный букет орхидей, нежных, как фарфор. Весь дом наполнился их чудным запахом.

Она протянула орхидеи Рамаву. Рамаву прижала их к груди. «Орхидеи — благородный, гордый цветок, он не может стлаться по земле, он всегда стоит прямо».

Одну веточку Саундра хотела дать Мальянту.

— Нет-нет, — сказала девочка, — пусть все для мамы! Тогда она не будет больше плакать. Правда, мама?

— Правда, радость моя! Даст бог, когда ты станешь матерью, не будет причин, заставляющих людей плакать!

Пройдет это время ненастное.
Тогда мамы плакать не будут,
Все беды и горе забудут, —
И утро наступит прекрасное.

Эстер РАНДРИАМАМУНДЗИ

УТРО ПРИДЕТ

Редактор **Е. Ф. Олейник.**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина.**

Сдано в набор 14.03.84. Подписано к печати 29.04.84. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,06. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 94 000 экз. Изд. № 1437. Зак. № 2419. Цена 30 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

Книжные магазины РСФСР предоставляют Вам возможность не только купить книги, но и приобрести их по выигрышным билетам Всероссийской книжной лотереи.

Стоимость билета 25 копеек, сумма выигрыша (50 копеек, 1, 3 и 5 рублей) указана на внутренней стороне запечатанного билета.

По выигрышным билетам можно приобрести любую книгу или другие печатные издания по своему выбору из наличного ассортимента книжного магазина или киоска.

Если сумма выигрыша меньше стоимости выбранной Вами книги, можно произвести доплату наличными деньгами.

90% стоимости билетов направляется на выигрыши.

Прочитанные книги Вы можете предложить книжным магазинам для повторной продажи. Этим Вы окажете добрую услугу другим книголюбам.

**Росглавкнига
Дирекция Всероссийской книжной
лотереи**